

ЭЛЕОНОРА РАТКЕВИЧ

ТАЭ ЭККЕЙР!

Найлисский Цикл

Элеонора Раткевич

Таэ эккейр!

«Демина Людмила Дмитриевна»

2003

Раткевич Э. Г.

Таэ эккейр! / Э. Г. Раткевич — «Демина Людмила Дмитриевна»,
2003 — (Найлиссский Цикл)

ISBN 978-5-699-38823-3

Их – семеро. Семь эльфов, пробравшихся в Земли Людей. Семь убийц, словно бы одержимых духом зла. Кто остановит их? Человек, который скорее всего не вернется из этой схватки?! Эльф, посланный, чтобы отыскать преступивших Закон своей расы?! Хищников – семь. Охотников – двое. Охота начинается!

ISBN 978-5-699-38823-3

© Раткевич Э. Г., 2003

© Демина Людмила Дмитриевна, 2003

Содержание

*****	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Элеонора Раткевич Таэ эккейр!

*****

Больше всего на свете Лерметт любил пропадать где-нибудь.

Например, на самой-пресамой верхушке высоченного дерева. Вот уж оттуда его никакие рыцари не снимут. Не залезут даже. Потому что взрослые и в доспехах. А еще можно затаиться на дне оврага. Или и вовсе утянуться в соседний лес на пару деньков. Там его просто никто не найдет. Разве только собаки... так смешно смотреть, как они кружат по лесу, а голову задраить и на дерево посмотреть нипочем не догадаются. А если все-таки учуют – точно потеха начинается: как примутся на ствол наскакивать, как возьмутся облаивать! Можно подумать, не принца нашли, а белку... вот глупые! Уже потом, когда отец вместо своры борзых начал посылать в лес одного Дичка, игра стала гораздо интереснее. Дичок никогда не взлаивал на горячий след, не тявкал, не поскуливал. Он всегда напрыгивал на Лерметта неожиданно. И не гавкал во всю глотку, призывая дурацких рыцарей. Нет, Дичок ни за что не стал бы так предавать приятеля. Он просто хватал принца зубами за шкуру, закидывал на спину и неизменно доставлял хохочущего мальчишку к воротам замка. Так гораздо лучше, чем угрюмо ковылять домой под опекой усталых от двухдневного шляния по лесу рыцарей.

– Медведь-шатунон, – неизменно говорил в таких случаях отец. Медвежонок-шатунонон.

Лерметт в таких случаях неизменно же приосанивался, взглядывал украдкой в большое полированное зеркало – и всякий раз огорченно сникал. Нет, ну какой же он медведь? Тощий, встрепанный... ни виду, ни силенок. Так, котикша недокормленный. Отец, тот и в самом деле на медведя похож мощный, кряжистый. Плечи широченные – сразу видать, сколько лет доспехи носит. А вот Лерметту не повезло. Он не в отца удался, а в маму... нет-нет, он любит маму, он ничего такого сказать не хотел... ну, такого... которого... а все-таки лучше бы ему было в отца пойти – как он будет кольчугу надевать, такой хлипкий? Кость узкая, легкая... котикша и есть.

– Какой же я медведь? – горестно спрашивал Лерметт, шмыгая носом.

– Медведь-медведь, – смеялся отец. – Самый настоящий. Ведь вот же и волк клыки показывает, и собака рычит, и кот когти выпускает. По всякому зверю понять можно, сыт он и доволен или злится и хочет напасть. Что лев, что тигр... и только у медведя на морде не написано, какую шкуру он учинить вздумал. В точности как у тебя.

Лерметт обижался окончательно.

– Но это даже хорошо, – добавлял отец. – Для принца это очень даже хорошо... а для короля тем более.

Вспомнив шуточные отцовские подначки, Лерметт только улыбнулся. Почитай, одиннадцать лет минуло с тех пор, как велись эти разговоры... или даже чуть больше? Странно, с чего бы ему вдруг на память пришла та, совсем было уже позабытая шутка?

Медвежонок-шатунонон... Давешний медвежонок вырос – но никак уж не медведем. Скорее диким котом или даже леопардом – поджарым, прыгучим и дерзким. А вот шатуноном... да, шатуноном он как был, так и остался. Ничего не поделаешь – лучше всего принц Лерметт чувствует себя не в замковой библиотеке, не в тронной зале и даже не на площадке для фехтования, а в дороге. Какой бы она ни была – пешей или конной, трудной или легкой... пусть бы и скучной! Для кого угодно скучной – но только не для него. Лерметт никогда не скучал в пути.

Вот и сейчас он дышал легко и привольно – все-таки дорога взяла свое. А ведь на сей раз ему, против обыкновения, отчего-то не хотелось уезжать. Такая отчего-то тяжесть на сердце...

да правду сказать, повод у поездки премерзкий. Потому и кошки на душе скребут – еще бы! Лерметт на месте этих воображаемых кошек не только устроил бы из гостеприимно распахнутой души когтедралку, но и зашелся бы гнусным истошным мявом. Мерзкий повод, мерзкий... вот поэтому обычного рыцаря или там наместника недостаточно, чтобы разобраться с тем, что случилось в Луговине. Поэтому он едет – и не в Луговину даже, а за перевал. Простого владетельного сеньора за перевал бы нипочем не пустили – а принца, может, все-таки пустят. И уж во всяком случае, выслушают. Всю свою жизнь, с тех пор, как Лерметт начал осознавать себя, он мечтал увидеть, что там, за перевалом. Глупо как-то получается. Ну почему для осуществления заветной мечты непременно должна случиться какая-нибудь гнусность? Неужели нельзя было съездить просто так?

Лерметт покачивался в седле, задумчиво покусывая сладкую травинку. Отвратительная причина его поездки успела если и не забыться полностью, то уж во всяком случае примолкла до поры в потаенных уголках сознания и напоминать о себе не пробовала. Зато дорога не нуждалась в том, чтобы напоминать о себе – она и так была повсюду. Она стелилась под ноги коню, ложилась росой на плечи, ветром трепала волосы...

Лерметт натянул поводья, и конь послушно остановился.

Все верно, остаток пути принцу предстоит пройти пешком. По левой седловине перевала дорога хоть и конная, а не ближняя. А по правой всего-то день пути – но пешком. Эх, вот если бы Лерметт не по тягостной надобности отправлялся через перевал, а по своей воле, он непременно поехал бы по левой седловине – не потому, что этот путь легче, а потому, что длиннее. Как же было бы прекрасно – продлить немного томление, готовое разрешиться от бремени ожидания... ехать, лишь смутно догадываясь, что откроется его взору за перевалом, мысленно рисуя себе всевозможные чудеса, мечтать и поддразнивать себя собственными мечтами, смеяться и мечтать снова...

Лерметт снял с седла сумку и забросил себе за спину.

– Домой, – велел он, хлопнув жеребца по серому в яблоках крупу.

Скакун послушно развернулся и легким кентером направился прочь. Принц проводил его взглядом.

Достать, что ли, плащ из скатки заранее?

Да нет, успеется.

Когда серый в яблоках жеребец окончательно исчез из виду, принц обернулся.

Прямо перед ним вздымалась правая седловина Хохочущего Перевала.

Шаг Эннеари был подобен дыханию – легкий, размеренный, упругий. Камни, во множестве усеявшие тропу, его не беспокоили. Эльф просто-напросто не обращал на них никакого внимания... ну, или почти никакого. Для молодого гибкого сильного тела эти гранитные обломки – не препятствие. И вовсе не надо быть опытным скалолазом, чтобы преодолеть Хохочущий Перевал. Даже человек пройдет его за день – а эльф, пожалуй, и того быстрее обернется. Если, конечно, изберет правую его седловину, а не левую – безопасную, пологую, с широкой дорогой, по которой не только всадник, но и телега проедет... и потратит на этот путь почти три дня. Правую седловину не одолеешь ни в телеге, ни даже верхом – только пешком. Зато и пройти ее можно от восхода до заката. Оно верно, что осыпи и камнепады здесь случаются нередко – ну, да ведь какой эльф, если он в полном уме и сознании, под камнепад ползет! Такая беда разве что с человеком случиться может. А эльф опасное место загодя почует, десятой дорогой обойдет.

К слову сказать, об опасном месте – вот этот валун вовсе не так надежно лежит, как вид оказывает. Притворяется каменюка. Разлегся поперек тропы – такой громадный, такой обманчиво неподвижный... ну прямо так и кажется, что нет силы, способной стронуть его с места. Что тут долго думать – хватайся за приманчивый выступ, видишь, вот же он, просто как нарочно сюда приделан! – ухватись, взлезь на валун да спрыгни по другую его сторону!

А на самом деле стоит ухватиться за выступ – и валун перевернется, накатит на доверчивого путника и подомнет его под себя.

Эннеари присвистнул тихонько и задрал голову кверху. Что же... можно и так. Валун, конечно, не ко времени на пути подвернулся, и лезть на него не просто опасно, а самоубийственно – но зачем же лезть, если можно обойти? Вот по этой каменной стене и обойти. Она хоть и выглядит устрашающе – да зато, в отличие от валуна, действительно надежна. И гораздо удобнее для подъема, чем на первый взгляд кажется. Есть на ней и щербинки, и трещинки... будет, куда ногу поставить. Кстати, не так уж высоко лезть придется. Этот обрыв всего-то в десять раз выше Эннеари... ну ладно, в двенадцать. Тоже не расстояние. А там, наверху, проходит еще одна тропинка. Очень удобная. Пожалуй, еще удобнее, чем нижняя. Вот только спускаться по ней придется чуточку дольше... или все-таки нет? Если прибавить шагу, сумерки его не нагонят.

Да и в любом случае другой дороги в обход здесь нет – разве что вернуться назад и попытаться счастья на той развилке тропы, которая уходит круто вниз сразу за Цветными Камнями. Вернуться – и потерять не час-другой, а полдня.

Ну вот еще!

Эннеари вновь смерил взглядом расстояние до гребня стены, без всякой нужды поправил зачем-то и без того удобно висящий колчан и положил кончики пальцев на шершавые каменные заусенцы.

Подъем и впрямь оказался нетрудным. Ни разу рука Эннеари не ошиблась в поисках очередного выступа, ни разу нога его не соскользнула с мимолетной опоры. Он и сам не знал, откуда взялось неожиданное ощущение опасности. словно кто-то невидимый замолотил его спину кулаками, давясь безмолвным криком – и этот несуществующий крик разрывался таким безысходным отчаянием, что Эннеари невольно сделал то, чего никак уж нельзя делать, когда подымаешься по отвесной стене. Покорясь внезапному призыву, пусть несуществующему, но оттого не менее властному, он обернулся – обернулся навстречу уже не предчувствию, а тугому гневному свисту, тяжелому и неумолимому.

Стрела, которая должна была угодить ему в основание шеи, вспорола его левую щеку.

От резкой боли пальцы Эннеари враз ослабели и разомкнулись. Уже понимая, что не успевает, что он сейчас упадет, эльф попытался было сомкнуть пальцы снова – но вместо камня они уцепились за пустоту, и та же самая пустота быстро колыхнулась перед глазами, ударила по ушам гулками ладонями, дернула за каждый мускул, за каждое волоконец, изгибая, вздыбливая, направляя в неверную сторону... пустота наполнила собой легкие, плеснулась в мозг, смывая и горы, и небо, и боль в раненой щеке... а потом устремилась вниз, увлекая за собой потерявшее опору тело, вниз, туда, где нет ничего, кроме нее, всевластной пустоты – потому что ничего другого на этом свете нет и вовсе. Вот только она лгала – внизу были камни, была тропа, на которую Эннеари рухнул, самую малость не добравшись до гребня... а еще внизу была темнота.

Эннеари потерял сознание очень ненадолго. Очнулся он быстро, вдоха за два... а очнувшись, понял, что снова не успел. Какого-то жалкого мгновения не хватило, чтобы встать... встать, открыть глаза, раны залечить... не хватило.

– Эй, да ведь это не он! – послышался хриплый голос. – Это другой. С-сволота остроухая!

Кованый сапог с размаху угодил эльфу под ребра. Эннеари почти сумел уже разлепить склеенные кровью ресницы – но удар заставил его вновь крепко стиснуть веки от перехватившей дух боли. Еще один пинок. И еще. Вновь ругательство... только голос уже другой. Еще удар... минуту бы, одну только минуту, единственную, ту самую, которой нет!.. долю минуты хотя бы...

Нелепо, до чего же нелепо. Угодить под стрелу, сорваться со скалы и попасть под сапоги разъяренных своей ошибкой наемников – наемников, которые и охотились-то вовсе не на

него... но прикончить они его все равно прикончат – то ли со злости, то ли просто для того, чтобы не оставлять живого свидетеля... и не оставят... потому что никакая живучесть Эннеари сейчас не выручит... ведь ему не хватило минуты, всего лишь минуты... меньше даже, чем минуты... и он не успевал – теперь уже в самый последний раз.

Когда град пинков внезапно прекратился, а ругань сменилась воплями ужаса, Эннеари уже не мог подняться, не мог открыть глаза. Ему казалось, что он не здесь, а где-то далеко – и оттуда, издалека, он скорее угадал отрешенно, чем услышал тяжкое содрогание, подобное исполинскому смеху Хохочущий Перевал недаром так назывался. А следом за содроганием пришел белый гром, накрыв собою всю седловину перевала. Он поглотил и тропу, и валун, и предсмертные крики убийц – поглотил, навалился, сдавил обессиленное тело Эннеари и поволок за собой.

Какой эльф, если он в полном уме и сознании, под камнепад ползет!

Следом за этой гаснущей мыслью пришла другая, совсем уже неотчетливая, как последние отголоски дальнего эха.

Я не успел.

Если глядеть только на клинки, взлетающие навстречу небесной синеве и солнечному сиянию, легко можно было представить себе, что это сказочный великан жонглирует двумя кинжалами. Однако клинки были не кинжалами, а двуручными мечами, и в полет их посылал отнюдь не великан.

Бывший – давно, очень давно, десять уже лет, как бывший! – канцлер Селти проделывал это упражнение каждодневно. Не для того даже, чтобы не размякнуть – хотя и опуститься, утратить былую силу и сноровку... о таком он не мог и помыслить. Вообразить свое тело обрюзглым, согбенным, с обвисшими мускулами... о нет! И все же Селти жонглировал мечами не ради того, чтобы не утратить формы. Просто ему нравилось это занятие. Ему нравилось раз за разом покорять тяжкое могущество стали. Даже и одним двуручным мечом швыряться – всякий ли сможет? А он, Селти, заставляет летать два меча. Это повинуюсь велению его руки и ничьей иной клинки летят вверх и вновь послушно подставляют рукояти своему господину. Это он, Селти, способен принудить их к послушанию. Это его сила смиряет упрямую тяжесть и посылает мечи в полет наперекор их природе.

Никто больше так не может. Никто. Во всем Найлиссе... и не только в Найлиссе.

Вверх, снова вверх... а потом – в горло воображаемого врага, и от плеча наискось, до пояса... полет – и падение... сладостный всхлип споротого воздуха, сияющая дуга замаха... и снова тяжкий, раздирающий естество полет.

Селти поймал мгновенно выблеснувшие на солнце мечи – как обычно, сначала левой рукой, потом правой. Он всегда обращал больше внимания на левую руку. Никто не любит сражаться с левшой. Даже он сам.

– Долго я еще буду ждать? – надменно поинтересовался он.

Замершие восхищенно оруженосцы наконец-то соизволили пошевелиться. Проклятье, ну почему Селти должен довольствоваться всяким нерасторопным дурачьем? Он, самый родовой, самый могущественный из всех рыцарей Найлисса... разве такие слуги достойны его величия и мощи?

Оруженосцылевой и Правой Руки подскочили к господину почти одновременно и вытянулись в струнку, готовые исполнить свои обязанности. Селти усмехнулся в душе. Ничего, подождут. Раз уж они посмели заставить господина ждать себя – пусть-ка постоят, помянутся. И пусть только попробуют вздох испустить или как еще недовольство выразить...

Оруженосцы не посмели. Что ж, их счастье. Выждав подходящее время, Селти отдал им мечи. Сначала левый, потом правый. Ничего не поделаешь, за все приходится платить. И за единственное в своем роде мастерство – тоже. Ни один сопляк, мечтающий во благовремении сделаться рыцарем, не способен принять от него оба меча сразу – слишком уж велика тяжесть.

Вот и приходится Селти вместо одного остолопа терпеть подле себя двоих. Экая докука. Злость берет, глядя на их неуклюжие старания. Что ж, старайтесь, голубчики, старайтесь. Хоть поперек себя узлом завяжитесь. Никакая, самая даже ревностная служба вам не поможет. Не видать вам рыцарского пояса, как собственной спины. Не для того Селти вас школит, чтобы потом вот так, за здорово живешь, отпустить вас и сменить на новую пару необученных ослов. Нет уж, шалишь. Когда кругом сплошное дурачье и быдло... ну, да провинция всегда остается провинцией, будь она хоть в одном дне езды от столицы. И кой черт дернул Селти привезти с собой собственных пажей и оруженосцев?

А такой, что выхода у него не было. Не подобает родовитому вельможе, хоть бы и опальному, являться где бы то ни было без достойной его положения свиты. Пусть даже опала его и тайная, не всякому разумению внятная... тем более нельзя. Вот и приходится повсюду таскать за собой толпу неумех... посмешище, да и только. Это разве человек сторонний восхищенно склонит голову перед блестящим кортежем бывшего канцлера. Много ли они, сторонние, понимают? Не такая свита приличествует одному из первых вельмож королевства. Находить тайную утеху в том, чтобы с дерзким вызовом облачать даже конюхов в шитую жемчугом раззолоченную парчу – и знать, знать с пронизывающей до дна души горечью, что это все не то...

Будь проклята черная тварь, укравшая расположение короля!

– Подать воды! – рявкнул Селти. – Мне что, еще и умывания дожидаться нужно?

– Все готово, господин, – склонил голову самый отважный из пажей, державший на вытянутых руках шелковое полотенце.

Да, все действительно давно готово. Это не он ждет нерасторопных пажей – нет, это пажи замерли в почтительном поклоне, ожидая, когда господин призовет их к себе. И надо же было Селти позволить себе задуматься! Сейчас-то несносные сопляки ничего не скажут – зато ввечеру их языки дадут себе волю, обсуждая странную задумчивость господина. Ха! Можно подумать, им предоставят случай поболтать. Каждый из этих мальчишек каждый, ясно? – будет по горло занят делом. А если дворецкий не найдет, к чему придраться и какую дополнительную работу им задать нынче вечером... что ж, иногда вельможе приходится входить и в такие мелочи. Конечно, Селти не станет выискивать занятия для пажей – кому из них серебро чистить, а кому кубки пересчитывать. Еще чего недоставало! Но вот придраться он сумеет и без посторонней помощи – и назначить наглым ротозеям уже на работу, а наказание. В том или ином случае, а болтать им будет недосуг. Ну, а дворецкий... что ж, дворецкий тоже свое получит. Не за то ему жалованье платят, чтобы он возымел дерзость заставлять господина самостоятельно себя утруждать подобной ерундой.

– Поливай! – недовольно приказал Селти, и первый в черед пажей, едва удерживая в руках тяжелый серебряный кувшин, выступил вперед.

Конечно, можно было бы не пользоваться услугами оравы пажей и пойти в умывальню. Уж здесь-то, в Найлиссе, даже в самом бедном из домов вода подается через трубы – все-таки Найлиским акведукам хоть и стукнуло шесть веков, а они все как новенькие. И коль скоро на любом постоялом дворе имеется умывальная с текучей водой, то во дворце и подавно. Однако Селти предпочитал удовлетворять свои потребности и желания тогда и там, где они возникли. И если он вспотел, упражняясь с мечами на фехтовальной площадке внутреннего двора, то и смывать пот он будет именно здесь. А значит, без пажей не обойтись, хоть они и бестолочи все до единого. Зато Селти не придется ждать.

Он ненавидел ждать. Довольно уже и того, что ему столько лет привелось ждать нынешнего дня...

Паж расплескал воду и испуганно вздрогнул, отчего из кувшина выплеснулось еще немного воды. Что ж... никто тебе не виноват. Сам постарался. Селти сделал мысленную заметку. Одной заботой для дворецкого меньше. Придумывать работу для этого мальчишки

дворецкому сегодня не придется. Надо же, каких олухов вынужден терпеть при себе бывший канцлер!

Бывший... вот уже десять лет, как бывший. А до чего же хорошо, до чего же удачно складывалась жизнь поначалу! В двадцать семь лет – лучший меч Найлисса, прославленный рыцарь, его светлость господин канцлер... один-единственный выкрик – и все рухнуло, исчезло, словно бы и не было никогда, словно во сне приснилось!

Будь проклята черная тварь!

Паж с полотенцем, надо признать, неплохо знал свои обязанности. Едва только Селти окатился водой в последний раз, как полотенце оказалось наготове. Канцлер выпрямился, доволив пажу утереть стекающие по его могучей спине струйки воды. Интересно, догадается щенок сменить полотенце, чтобы вытереть господину руки? Догадался. Надо же. И среди пажей иной раз попадаются смышленные.

– Господин... – оторопело выдохнул мальчишка, уставясь на руки канцлера. Селти нахмурился. И что сопляк такого углядел? Руки как руки...

– Ну? – нахмурился Селти. – В чем дело? На что ты так выпялился, остолоп?

– Господин, – прошептал паж, – а где ваш перстень?

Селти едва не задохнулся. Вот на что уставился смышленный... слишком, к сожалению, смышленный паж – на белый ободок, пересекающий ровный загар. На белый ободок на том самом пальце, где еще час назад красовалось кольцо. Семейное кольцо, которого Селти не снимал с руки никогда.

– В починке, – небрежно ответил Селти. – Оправа сломалась.

На лице пажа так явственно отобразилось «дурная примета!», будто он произнес эти слова вслух. Селти с трудом сдержался – до того ему захотелось с маху отвесить пощечину пажу. Его испуг, настоящий, неподдельный... да нет, чушь, ерунда. Много ты понимаешь, щенок. Дурная примета, как же.

Жаль, что нельзя ударить мальчишку. И измыслить ему особо изощренное наказание, которое заставит щенка позабыть обо всем, тоже нельзя. Мало ли кто мог его услышать? Мало ли кому придет в голову сопоставить случайное восклицание мальчишки с его дальнейшей участью – а там, чего доброго, и выводы сделать? Нет, щенка покуда трогать нельзя. Но и позволять ему языком трепать не след. Добро же, дружок. Серебра у твоего господина столько, что перетирать его и чистить – трех жизней, и то не хватит. Вот этим ты и займешься. А прочим, вызвавшим неудовольствие господина, дворецкий приищет другие занятия. Подальше от тебя. Чистить серебро ты будешь в одиночестве. Чтобы не с кем было словом перемолвиться. Какое твое дело, носит господин свой семейный перстень или отдал его в починку!

Конечно, о починке не может идти и речи. Любой ювелир, едва только возьмет перстень в руки, мигом сообразит, что к чему. Кто бы мог подумать, что лепесток оправы окажется таким хрупким! Нельзя сейчас чинить кольцо, нельзя, это уже потом, потом, после... вот и снова Селти ждать приходится.

Селти скрипнул зубами. Сначала он ждал десять лет, покуда сдохнет черная тварь. Проклятая скотина сдохла – но это ничего не изменило. Ничегошеньки. Пришлось снова стиснуть зубы и ждать – ждать, пока выпадет такой день как сегодня... ждать – а отчасти и поспособствовать тому, чтобы нынешний день все-таки наступил.

Когда тяжкий грохот превратился в перекатистое эхо, Лерметт утер холодный пот, смахнул налипшую на лоб прядь волос, привалился к жесткой каменной стене и попытался совладать с собственным дыханием. Сердце бухало так, словно в межреберье взамен этого трудолюбивого кусочка плоти завелся самый что ни на есть взыправдашний тролль, хотя и маленький, но ретивый вот он и молотит теперь каменными пятками в грудину, пытаясь продолбить себе ход наружу.

Никогда в жизни Лерметту не доводилось испытывать ничего даже отдаленно подобного, но он нимало не стыдился своего страха, потому что понимал: то, что овладело им – не страх... во всяком случае, не только страх. Этому и вообще нет имени на человеческом языке... на эльфийском, кстати, тоже. Нет, в самом деле... ну как назвать то странное и страшное преобразование, когда твое тело превращается в ствол флейты, в корпус скрипки, и каменный рев течет сквозь тебя, и тело-флейта, тело-скрипка покорно резонирует, вздрагивая в такт грохоту, усиливает его, подобно музыкальному инструменту, трепеща и надсаживаясь – да так, что грудная клетка вот-вот лопнет с натуги, пытаюсь вместить в себя чудовищный гул, а твое «я» растворяется в громовом стоне без остатка едва ли не с облегчением... нет, как хотите – если это и страх, то какой-то совершенно особенный. Нет для него слова ни у людей, ни у эльфов. У гномов есть наверняка – у этих занудных педантов на всякий чих свое имя найдется. Вот только никому, кроме гномов, оно не известно и известно не будет: ведь если про всякое дуновение-плюновение свое слово припасено... это ж какая уйма слов! Да кто такую прорву именованый выучить сумеет? Кроме гномов – никто, даже и пытаться незачем.

Да здравствуют зануды и да здравствуют гномы! А наипаче – да здравствует Илмерран, гном из гномов и зануда и зануд! Ему, и никому другому Лерметт сегодня жизнью обязан. Илмерран, между прочим, такой зануда, что его сами гномы едва выносят – а это не шутка, почтеннейшие! Лерметт всегда думал, что силы более могучей, чем гномье занудство, свет не видывал и никогда не увидит. Правильно, однако, думал. Ведь если бы Илмерран не заставлял Лерметта зубрить, где какая тропинка пролегает да в какой горе какая пещера проточена, если бы не бубнил да не верещал, как говорящий скворец, покуда его речения не запольхают у ученика в голове огненными буквами, только бы Лерметта и видели! До нижнего края седловины одно бы красное пятно на льду и доехало. Ну, может быть, еще рука или половинка челюсти... так ведь ни рука, ни даже челюсть без помощи остального Лерметта послами быть не могут, верно?

Лерметт покачал головой и сдавленно рассмеялся. Надо же, какая ерунда на ум приходит с перепугу. А ведь бояться-то, в сущности, благодаря урокам Илмеррана, нечего. Эти горы пронизаны всевозможными пещерами, как сыр дырочками. Причем, как и в случае с сыром, иные дырки образовались естественным порядком, а иные были проточены деятельными мышками... тьфу гномами! Главное, заслышав грохот лавины, вспомнить, где ближайшая пещера и шмыгнуть в нее. А не знать, где ближайшая пещера обретается, если географии тебя учил гном, просто невозможно.

Пещера, в которой нашел спасение Лерметт, явно принадлежала к рукотворным. Если гномы и не продолжили ее целиком, то уж во всяком разе поработали над ней всласть – незаметно для неопытного взгляда, но несомненно. Кровля, если приглядеться, укреплена – надо полагать, как раз на такой случай. Вдобавок в ней и дымоход имеется... а вы покажите того гнома, который возьмется топить по-черному или мерзнуть, если есть возможность этого избежать! Не будут гномы мерзнуть... вот поэтому растопки в пещере столько, что на месяц достанет, ежели с умом расходовать. Мудрый народ – гномы... а мудрость тем и хороша, что ее плодами любой дурак воспользоваться может. Вот Лерметт ими и воспользуется. Прямо сейчас. Костерок запалит, котелок подвесит, кипятку согреет... хотя – а чего ради пустой кипяток хлебать? Есть ведь у него при себе настоящее на травах вино. Если не теперь его пить, то когда, спрашивается? Вылить вина в кипяток... да, именно так. Все равно прямо сейчас нельзя продолжать путь. Хотя смолкли даже и самые дальние раскаты, ненадежное молчание гор обманчиво. Лучше всего переждать да убедиться, что никакая снежная глыба, наскучив долгим лежанием, не надумает последовать соблазнительному примеру и сорваться вниз. Переждать... пожалуй, даже до утра, а тогда уже и в дорогу пускаться.

Костер, к некоторому удивлению принца, занялся огнем сразу. Пещера мигом сделалась умирительно уютной с виду. Чистенькая, ухоженная... а сверху вдоль кровли еще и руны наве-

дены. Затеиловые – страсть. Лерметт и раньше подозревал, что вышитые салфетки придуманы гномами, а узрев под потолком аккуратные руны, уверился в этом окончательно.

Вдоволь налюбовавшись гномьим художеством, Лерметт принялся обустриваться – старательно и неторопливо. Сначала он извлек котелок и чашу, потом настал черед дорожного одеяла – его Лерметт расстилал с особым тщанием. Теперь только снегу набрать, котелок над огнем повесить и растянуться на одеяле возле костра, предавшись ожиданию той минуты, когда кипящая вода зашепчет-залопочет что-то понятное ей одной.

Прихватив котелок и чашку, Лерметт подошел к выходу из пещеры и осторожно высунулся. Надо же, до чего быстро свечерело! Сумерки кругом, да вдобавок в воздухе так и крутится не успевшая осесть ледяная изморозь похуже тумана на свой лад: как есть в десяти шагах ничего не разглядишь. Хорош был бы Лерметт, вздумай он продолжить путь незамедлительно! Одно только и видно, что тропу снегом завалило – а далеко ли простирается завал, при всем желании не поймешь. Ну и ладно. К утру наверняка развиднеется, а сейчас высматривать и нечего, и незачем.

Пробормотав обычное благопожелание всем, кто может в эту нелегкую минуту оказаться на горных тропах, как учил его Илмерран, Лерметт соскользнул на снег – собственно говоря, он едва было не спрыгнул, и лишь в самый последний миг сообразил, что делать этого не стоит. Лицо его мгновенно обожгли тысячи ледяных иголок. Лерметт вдохнул морозный воздух, засмеялся и нагнулся зачерпнуть снегу.

Первая горсть снега мигом отправилась в котелок, а вот вторая за ней не последовала: чашка за что-то зацепилась. Лерметт нагнулся пониже, стараясь выпростать чашку – и что такого она загребла? Траву, что ли? Ничего себе! И откуда ее сюда снесло? Лерметт ухватил пучок травы, чтобы выдернуть и отбросить... и тут сердце бухнуло у него в груди и замерло: пальцы его сжимали не траву, а прядь волос. Волосы в снегу не растут. Волосы не торчат над снегом сами по себе. Они...

Котелок и чашка полетели на снег, пренебреженные и забытые. Лерметт яростно рыл снег голыми руками, с остервенением разгребая завал, оттаскивая и отбрасывая куски льда, обдираясь в кровь – и все же ни разу не подумал о котелке. Копать чашкой, отгребать котелком, может, и легче... но там, под снегом, живой человек... живой? Лерметт запрещал себе думать о нем, как о мертвом.

Конечно, если несчастный успел задохнуться под снежной толщей, если насмерть замерз, если лавина переломала его, если все усилия Лерметта окажутся тщетны, принц хотя бы исполнит свой долг путника. Он похоронит беднягу – не в снегу, который здесь, на перевале, и пяти-шести дней не продержится, а как подобает. Он сложит надгробие над безымянной могилой и исполнит все положенные смертные обряды. Но прежде надо убедиться, что неизвестный действительно мертв – а для этого сперва надо его откопать... откопать его живым – обязательно живым! – а могила подождет. Конечно, подождет... а куда она, к шуту, денется? Подождет, родимая – ей ведь не к спеху. Куда ей спешить? Раз уж она настолько беспечна, что отдала своего будущего обитателя снегу, ей явно никак уж не до него... и никуда она не торопится... вот пускай и подождет – всю оставшуюся жизнь! А вот ему, Лерметту, есть куда торопиться – потому что он не может, не должен, не смеет, права не имеет опоздать.

Лерметт разгребал снег с безумной яростью, словно дракон, раздирающий в клочья смертельного врага. Даже рычание на его губах клубилось совершенно драконье. Если бы снег был живым существом, если бы его можно было убить, Лерметт сделал бы это.

В несколько считанных биений сердца он высвободил из-под белой пелены лицо, а затем и всю голову несчастного, но дальше дело пошло потрудней. Лавина хотя и не изломала своего пленника, насколько можно судить с первого взгляда, зато перекрутила его каким-то совершенно немислимым образом. Принц даже не сразу и сообразил, с какой стороны нужно копать, чтобы вытянуть из снегового плена левую ногу, он спешил, как проклятый, и оттого все острее

ощущал, что опаздывает, непростительно и непоправимо опаздывает... время время, прах его побери! Лерметт не мог, не умел сказать, что творится со временем – то ли оно замерло и вовсе, то ли, наоборот, вертится, как обезумевшее колесо, и словно спицы этого колеса, мгновения сливаются в непроглядную серую муть? Да он, собственно, об этом и не думал, хотя и посылал времени неразборчивые проклятия – он просто рыл и рыл, как безумный, пока последний обломок льда не отлетел прочь, а время вздрогнуло и обрело свой нормальный ход.

Пошатываясь от изнеможения, Лерметт втащил в пещеру заледеневшее тело и швырнул на пол чашку и котелок... стоп, а они-то здесь откуда взялись? Прихватил он их с собой, что ли? Сплошная дыра в памяти. Как есть пусто. Когда он ухитрился подобрать их на снегу, как... ну нипочем не вспоминается. Ну и пусть. Все равно не до них сейчас... или нет? Ведь когда спасенный очнется, его непременно надо будет напоить горячим вином... ох, как же Лерметту пригодилась бы сейчас еще одна пара рук, способных слетать куда надо и справиться порученную работу самостоятельно, покуда их хозяин другим делом занят!

Это хорошо, что Лерметт одеяло расстелил заранее, это просто замечательно. И что вместо обычного широкого ножа он на сей раз захватил в дорогу тонкий длинный кинжал – тоже. При обычных обстоятельствах толку от разукрашенной стальной побрякушки почти что и никакого – но вот разрезать заледеневшую одежду узкое лезвие сумеет получше любого другого. Долой эти насквозь проледенелые лохмотья, долой... пояс, лук (целехонький, между прочим – и каким чудом?), колчан со стрелами – все долой... до чего же чудесно, дружище, что у меня найдется, во что тебя одеть – а ты и не знаешь...

Гномы – народ не просто предусмотрительный, а маниакально предусмотрительный. Учиться у гнома и ничего у него по этой части не перенять абсолютно немислимо. Верный себе, Лерметт захватил с собой, помимо парадного, еще и запасное дорожное платье. Вот оно и пригодилось. До чего же здорово, приятель, что ты из себя не слишком широкий: на кого покорпуснее оно ведь могло бы и не налезть – а так и штаны, и рубаха словно на тебя шиты, верно? Вот и славно, вот и хорошо... что, холодно? Потерпи, дружище. Самую еще малость потерпи, я уже сейчас, я скоро...

Лерметт и прежде бывал в горах, и ему доводилось уже отогревать замерзших до бесчувствия незадачливых путников. Но он ни разу не выгребал их из-под снега, но он ни разу не делал этого в одиночку, но рядом с ним неизменно маячил Илмерран, всегда готовый дать не только подзатыльник, но и совет... а теперь принцу придется обойтись одной парой рук – своей собственной – и посоветоваться тоже не с кем. Только обернувшись привычно, чтобы спросить совета у отсутствующего гнома, Лерметт понял, насколько ему недостает Илмеррана, и озлился на себя не на шутку.

Ноги, ноги ему растереть – длинные узкие ступни, холодные и белые, как кость, как проклятый лед... хотя нет, есть ведь кое-что и получше всякого растирания. Короткие сапожки, которые Лерметт второпях стащил с ног бедолаги – и зря. На самом-то деле лучшего и не придумаешь. Легкие, почти невесомые эльфийские сапожки, простые, без тиснения... точно такие, как у самого Лерметта. Обувь, в которой прохладно в самую что ни на есть неистовую летнюю жару и тепло в лютый мороз. Наилучшая обувь для любой дороги. Если ноги этого парня еще можно отогреть, эльфийская обувка управится с такой работой куда посноровистей Лерметта. Знал, однако, как в дорогу обуться. Видно, опыта парню не занимать... что ж он со всем своим опытом да под сход угодил? Нет, ну что за ерунда в голову лезет! Можно подумать, под лавину одни только новички попадают.

Так, а теперь руки... руки, пальцы... заостреннейшие, твердые, как дерево, и совсем не гнутся, совсем... хотя нет, вроде получается оттереть... неужели все-таки живой? Эй – что значит «все-таки»? Конечно, живой, иначе и быть не должно.

Лерметт мысленно твердил, словно заклинание: «живой, живой», стараясь не приглядываться, точно ли грудь спасенного слегка приподымается, повинуюсь дыханию, не наклоняясь,

чтобы прислушаться, бьется ли сердце. Что значит – не бьется? Нет – так будет, и не когда-нибудь, а прямо сейчас!

Лерметт положил ладони на грудь замерзшего, нажал... один только раз нажал – и тут же отнял руки. Судя по тому, как грудная клетка пошла под нажимом наискось, у парня сломано ребро – а может, и не одно. Скверно. Ох, как же скверно. Этак бедолагу вместо того, чтобы спасти, убить можно. Довольно обломку ребра под нажимом вспороть легкое... не думать об этом, не думать! Не смей думать! Ишь, размыслился – дело делать надо, а рассусоливать после будешь.

На мраморно-белой груди распласталось сбитое набок ожерелье. На фоне этой мертвенной белизны оно казалось Лерметту неправдоподобно темным. Несколько нанизанных на шнурок отполированных деревяшек толщиной в палец, от него отходит еще один шнурок с переливчатыми камнями... нет, несколько этакая гроздь каменных ягод на кожаном черенке. Странная штука... может, амулет на счастье? Оберег? Если и так, толку от него никакого. Во всяком случае, владельца своего он от беды не уберег. Принц до боли стиснул зубы: четыре «тигровых глаза» выглядели более живыми, чем их обладатель. Ожерелье совсем съехало на сторону; нижний камень свесился до правой подмышки. Было в этом нечто настолько неприкрыто незащитное, уязвимое, что Лерметт отвел глаза. Он запахнул рубаху поверх ожерелья, не глядя... рубаху... а ведь и верно – одной только рубахи ну никак не достаточно. Да, но если у бедняги сломаны ребра, натягивать на него узкий майлет небезопасно. Плевать, что запасного майлета как раз и нет – Лерметт и без теплой одежды обойдется, не его ведь из-под снега выкопали – но лишний раз тормошить человека с переломанными ребрами не стоит.

Подумав немного, принц отшнуровал рукава от своего майлета и натянул на холодные бесчувственные руки... не ахти что, конечно, а все же лучше, чем ничего. А теперь еще и в одеяло завернуть поплотнее... вот так, и плащом сверху укрыть для верности... эй, Лерметт – да что такое на тебя вдруг нашло? А ну-ка пошевеливайся!

Отчего-то при виде беспомощно свесившегося ожерелья на принца разом навалилась усталость. Усталость и... пожалуй, безнадежность. Именно теперь он всем своим существом ощутил, как хрупка жизнь... и что он может противопоставить всевластию гибели, какие такие усилия? Мертвых не воскресить... да, но кто сказал, что этот парень мертв?

Управившись с одеялом, принц протянул руку к покрытому кровавым инеем лицу... да, щеки ему растереть тоже не получится. Левая щека расплосована от глаза и до подбородка. Темная прядь окровавленных волос примерзла к виску самым нелепым образом – вот только теперь и оттаяла. Лерметт безотчетно откинул волосы с лица бедолаги – и замер, пораженный. Нет, ну как же несчастного парня лавина вертела, если ухо у него выкручено вверх тормашками?!

Для ошалевшего от усталости и внезапного прилива отчаяния Лерметта перевернутое ухо оказалось последним, что он мог ожидать увидеть. Не веря собственным глазам, а заодно и собственному рассудку, он коснулся этого уха непонятно зачем – не затем же, чтобы крутануть его в обратную сторону, право слово! Однако именно это он и сделал. И лишь тогда сообразил, что к чему.

Нет, ухо вовсе не торчало мочкой вверх. Она располагалась, где и следует – снизу, маленькая и округлая. А вот то, что Лерметт за нее принял, этакое легкое заострение сверху... ну да, принц был об эльфах наслышан, он читал о них, он неплохо знал по-эльфийски – собственно говоря, именно к эльфам он и направлялся! Но до сих пор ему ни разу не доводилось видеть во плоти ни одного эльфа – а уж тем более уши его разглядывать. Строго говоря, именовать эльфов остроухими значит здорово преувеличивать. Не такие уж эти самые уши, оказывается, и острые. Ухо как ухо. Только на ощупь ну совсем ледяное.

Принц выпустил из пальцев заостренное сверху ухо и медленно сел на пол рядом с телом эльфа. Кончено. Теперь уж наверняка все кончено. Если кого после всяких растираний еще и

за ухо крутанули со всей дури, а он даже не вздрогнул... значит, он не может быть живым. Кем бы ни был этот незнакомый эльф, он мертв. Окончательно и бесповоротно мертв.

Все было напрасно...

И тут ресницы окончательно и бесповоротно, по мнению принца, мертвого эльфа дрогнули, он моргнул, открыл огромные, неправдоподобно зеленые глаза и глубоко вздохнул.

– Живой? – ахнул Лерметт. – Все-таки живой?!

Он и сам понимал, что вопрос его звучит глупейшим образом – ведь покойники не моргают и тем более не дышат, даже и эльфы – но ничего не мог с собой поделать. Он ведь уже и надеяться перестал, что ему удастся отогреть замерзшего эльфа. Просто нельзя было не попытаться... а эльф ожил, и от изумления всевозможные глупости так и лезли на язык. Пожалуй, не было на свете такой глупости, которую Лерметт сейчас на радостях не мог бы ляпнуть или сотворить.

– Кто ты такой? – принц продолжал забрасывать эльфа дурацкими вопросами. – Как тебя зовут? Откуда ты здесь взялся? Что ты тут делаешь?

Едва ли он ждал ответа: трудно предположить, что белое, как снег, существо, у которого еще лед со щек не стаял, найдет в себе силы распинаться о своих намерениях и декламировать родословную. Эльф, однако, ответил, хоть и на своем родном наречии – и опять же трудно ожидать, что он сможет изъясняться на любом другом. Нет, если бы Лерметта вытащили из сугроба, а потом, едва одеялом укутав, принялись выспрашивать, навряд ли он сумел бы продемонстрировать знание языков. Навряд ли он и вообще стал бы отвечать. А вот эльф ответил – но только на последний вопрос.

– Таэ керуин, – чуть шевельнулись белые губы; иней на них пошел трещинами.

Таэ керуин. Умираю. Уж столько-то принц по-эльфийски знал. Вместе со значением слова «керуин» память услужливо подсунула принцу картинку из прошлого: вот он, совсем еще мальчишка, сидит, зажав уши, и монотонно долбит ряды эльфийских глаголов, бесконечные и запутанные, как река с притоками и рукавами: керуин, керейн, керойне... как же там дальше... а, вот!

– Эккейр, – невольно вымолвил он. Ты не умрешь. Не успел Лерметт выговорить это слово, как ему стало стыдно, будто за мальчишескую выходку. Нашел когда познаниями выхваляться! И перед кем – перед умирающим! Тем более что едва ли он верно справился с отрицательным будущим временем кажется, оно не допускало пропуска местоимений... или все же допускало?

Иней на губах эльфа сверкнул в последний раз призраком улыбки и расплылся в капельки воды.

– Эккерейт, – поправил эльф несколько более твердым голосом. Правдиво... нет, правильно будет – эккерейт. Или – лэн эккейр.

– Запомню, – буркнул Лерметт, чувствуя, как у него горят уши. Справиться с этим простеньким на вид словечком по-эльфийски он даже и не пытался. «Помню» – «алуин», это само собой... а вот как там дальше? «Лейр»? «Лойре»? Нет, единственное, что принц мог бы по этому поводу сказать твердо и без тени сомнений, так это «таэ аллейр» – не помню. Вот не помнит он, которое из времен тут можно применить, и все тут. Будущее ближайшее? Получится, что он это запомнит – но минут на пять, не больше. Будущее расширенное? Это которое объемлет собою тысячелетия? Да не запомнит он на тысячу лет – потому что не проживет столько. Не проживет, и все тут. Поганцы эти эльфы. Нагородили грамматику – обычному человеку не пройти, не проехать. Покуда до нужного слова доберешься, у тебя борода вырастет по пояс. Седая.

– Таэ лайри, – подсказал эльф. Голос его звучал на удивление живо словно это и не он полчаса назад был безмолвным сверкающим изваянием в пелене кровавой изморози. – У тебя есть что попить? Горячее? Холодно очень.

Принц молча снял с огня дымящийся котелок. Надо же, до чего эльфы быстро в себя приходят. Человек бы на его месте... ну, положим, человек на его месте не выжил бы вовсе.

Таэ лайри, значит. Будущее принятого решения... или вынужденных обстоятельств? Лерметт стиснул зубы. А ведь ничего не поделаешь, придется вспоминать все, что он полагал не слишком нужным. И заново учить – тоже. Прав был отец. Да, почти все эльфы говорят на людских наречиях, и все до единого их понимают. Но ему сейчас нужно не быть понятным, а самому понять. Затем он сюда и приехал. А не понимая языка, он нипочем не поймет, как эльфы мыслят. Как мыслит даже вот этот один-единственный эльф, прихлебывающий темный горячий травяной отвар с вином. Почему он поступает так, а не иначе. Почему он говорит то, а не иное. Почему он, к примеру, едва оттаяв, так охотно болтает о пустяках... или для него это не пустяки? Вот и пойми, попробуй. Не эльф, а ходячая тайна. Загадка мороженная.

Все-таки ни одна неожиданность даром не проходит... а столько неожиданностей сразу – тем более. Не успел Лерметт вдосталь поразмыслить о жизни и смерти, а вот уже в голову лезут прихотливые, совершенно не относящиеся к делу рассуждения о грамматике – да не просто так, а сплошь с вывертом, с шуточками. И ничего удивительного. Отчаяние, прерванное прежде, чем оно успело перегореть, претворяется иной раз в очень странное опьянение. Лерметт был просто-напросто пьян, причем самым развеселым образом. Сейчас ему ничего бы не стоило не хуже Илмеррана прочесть лекцию о свадебных обычаях гномов или в пляс пуститься, невзирая на усталость... во всяком случае, мысли его именно это и сделали. Все, сколько их есть... кроме вот этой вот, самой последней.

Эта мысль, невзирая на свой мнимо разудалый вид, была никак уж не пьяной, а очень даже трезвой – и более того, практичной. И на ум она пришла вовсе не Лерметту, а – Его Высочеству принцу Лерметту, полноправному и полномочному послу. Стыдно, ох как же стыдно! Едва спасенный эльф очнулся, едва глаза открыл – а заодно с ним открыл глаза полномочный посол... вот уж от кого ни порыва радости, ни даже слова в простоте не дождешься. Это ты радуешься и смущаешься – а он отмеряет, рассчитывает, прикидывает... скотина хладнокровная! А что поделать, если должность у него такая – все использовать: и чужую жизнь и смерть, и свою собственную. Назвался государственным человеком, так и изволь соответствовать. Привыкай.

Нет.

Потому что, привыкнув быть человеком государственным, перестаешь быть человеком.

Лерметт мысленно выругал себя тремя самыми грязными и свирепыми словами, какие пришли на ум. Опьянение схлынуло, остался стыд. Лерметту было совестно перед эльфом за недавнее шевеление холодной расчетливости, пусть даже и мимолетное, пусть даже эльф ведать не ведает об этом позоре, пусть даже Лерметт никогда, никогда себе ничего подобного впредь не позволит – и ведь не позволит: подобные уроки на всю жизнь запоминаются. Все равно стыдно. Настолько стыдно, что на эльфа взгляд поднять, и то невмочь. Но Лерметт все равно заставил себя это сделать.

Эльф сидел, обхватив изящными пальцами опустевшую чашу. Лерметт, все еще чувствуя себя виноватым, встал, снял с огня котелок, долил в чашу горячего вина и подпернул сползающее с плеча эльфа одеяло.

Горячее темное вино оставляло на губах вкус полыни и меда – вкус августовского солнца. Эннеари прихлебывал питье очень медленно, вбирая в себя солнце каплю за каплей. Солнечное тепло пряталось в темноте вина, и Эннеари, обхватив изящными пальцами маленькую смешную полукруглую чашу, с наслаждением впитывал это неторопливое тепло. Оно просачивалось в его тело постепенно, как звезды сквозь покрывало ночи: вот одна сверкающая росинка просочилась через ее темное полотно... а вот и другая... и еще одна!.. нет, ну вот только на мгновение, только на этот единый миг глаза отвел – а уже все небо звездами осыпало! И в чаше с вином тоже звезды колышутся – золотые и алые... колышутся и тонут в темной глубине... а

те, что над костром, не тонут... они пляшут, и каждая так и норовит подскочить выше своих подруг.

Костер, хотя и небольшой, горел ровно и жарко. Дым, прошитый золотом искр, утягивался не к выходу из пещеры, а куда-то вверх. Он был невыразимо чудесным, этот дым над костром. Чудесным был и сам костер – а пещера и вовсе была средоточием чудес. Назывались они на удивление просто: «огонь», «плащ», «вино»... наверное, чудеса и должны называться просто. Иначе за сложным вычурным названием их можно и не приметить – а как жить, если ты не видел чуда?

Внезапно восхищенный взгляд Эннеари натолкнулся даже не на чудо, а на самое настоящее волшебство. Возле кучи мерзлых окровавленных лохмотьев, вне всякого сомнения, еще недавно бывших его одеждой, лежал знакомый чехол... значит, его лук уцелел! Не потерялся и не сломался – иначе навряд ли незнакомый спаситель стал бы заботливо пристраивать чехол подальше от огня. И колчан со стрелами тоже цел... безумное, неправдоподобное, поистине волшебное везение! Один только нож и снесло прочь, остальное уцелело в сумасшедшей круговерти. Угодить в лавину – и все же... лук, колчан, узкий пояс с тиснением в виде сплетающихся трав, дорожная фляга – и зеркало!

Так не бывает!

Забыв о боли в ребрах, Эннеари привстал невольно, потянулся – и, едва удержав рвущийся сквозь стиснутые зубы стон, рухнул обратно.

– Цел твой лук. – Незнакомец обернулся к Эннеари. – Я уже проверил. Прости, что посамовольничал малость. – Его рука дотронулась до чехла. Хочешь сам поглядеть?

– Не лук, – Эннеари помотал головой. – Зеркало.

– Держи, – усмехнулся человек. – Мне бы тоже на твоём месте убедиться захотелось. Сам в первый раз такое вижу – тебя лавиной в кровь ободрало, а зеркало целехонько.

Если лавина и нанесла Эннеари кровавые раны, то не все – однако рассказывать об этом он не собирался.

Едва заполучив зеркальце в руки, Эннеари откинул волосы с лица и очень тщательно взгляделся в свое отражение. Стекло и впрямь уцелело – чего нельзя было сказать о нём самом. Рассеченная стрелой щека выглядела скверно.

– Ты прав, это надо промыть. – Слова у знакомого, похоже, не расходились с делом: он еще фразу не успел закончить, а рука его уже тянулась за флягой.

– Не надо, – произнес Эннеари. – Лучше всего оставить это, как есть.

– Шрам будет здоровенный, это точно, – сочувственно произнес человек.

– Не будет шрама, – рассеянно возразил Эннеари, тщательно осматривая широкий развал раны.

Человек пожал плечами, явно собираясь что-то сказать, но передумал.

– Не будет шрама, – повторил Эннеари, откладывая зеркало и вновь берясь за чашу с остатками вина. – Это выглядит только плохо – а заживет быстро.

Человек снова пожал плечами.

– Тебе виднее, – промолвил он. – Я ведь, по правде говоря, не знаю, как эльфов лечить надо.

Он принял из рук Эннеари опустевшую чашу и налил в нее вина из котелка – на сей раз для себя. Эннеари устроился поудобнее и полусмежил веки – не для того, чтобы задремать, а чтобы без помех приглядеться к знакомцу. Обижать своего спасителя Эннеари не хотелось ни нипочем – а люди отчего-то обижаются, когда их рассматривают прямо и открыто. Что такого оскорбительного может содержать в себе взгляд, Эннеари так и не уяснил – но то, что присматриваться к людям лучше украдкой, запомнил твердо.

Он разглядывал человека через скрещенные ресницы. Конечно, проще взять да и спросить напрямик – а кто ты, собственно, такой... но проще – не всегда значит «лучше». Во-

первых, люди и на этот вопрос иногда обижаются. А во-вторых, Эннеари нечасто выпадала возможность самому догадаться, что представляет собой его новый знакомец из числа людей. Отец подобные знакомства не жаловал – между тем Эннеари на них едва ли не напрашивался. И всякий раз, когда удача все же сталкивала его с людьми, он пристально всматривался в каждую мелочь, будь то выбившийся из прически локон, ширина пояса или цвет шнуровки на рукавах. Оказывается, о людях так много можно узнать по их одежде! У эльфов одежда выражает разве что настроение, вкус и личные пристрастия ее владельца. Не то у людей – даже самая неприметная тряпочка означает очень и очень многое. Люди одеваются в соответствии со своим общественным положением (страшно даже и вспомнить, каких трудов Эннеари стоило понять, что это за штука такая!). Кроме того, люди пожилые одеваются иначе, нежели молодые – так полагается! – да вдобавок надо принять в расчет приличия, условности и поверья... вот почему, например, невеста и жених не надевают на свадьбу одежд из лощеного шелка? Почему шнуровка на рукавах не может быть черной? Загадка, тайна – притягательная необыкновенно, как и все на свете тайны. Прежде о человеческой манере одеваться Эннеари и понятия не имел – а когда узнал, был очарован ею бесконечно. С годами очарование не угасло, скорее напротив. Все-таки люди исключительно утонченные существа: подобное стремление выразить даже самомалейшие детали посредством символов присуще только натуре возвышенной и недюжинно одаренной. Притом же какую память надо иметь, чтобы упомянуть всю символику всех одежд, да не перепутать ничего, не ошибиться! И как весело разгадывать, кто перед тобой – обедневший рыцарь или купец средней руки, землелашец или ремесленник! А если учесть, что с людьми Эннеари сталкивался редко и опыта набраться ему было неоткуда, любимая игра в угадку прибрела для него совершенно сумасшедшую прелесть. Разве можно отказать себе в удовольствии прислушаться, что же именно говорит о человеке его одежда!

А вот одежда этого странного незнакомца говорить отказывалась напрочь. Хотя нет – говорила она как раз много, охотно и, насколько можно судить со стороны, совершенно искренне, без утайки... но понять из ее речений можно было разве только одно: бродить, путешествовать, таскаться почем зря по дорогам и вообще странствовать этот человек не только любит, но и умеет. Прочее разгадке не поддавалось.

Человек невозмутимо прихлебывал горячее вино, вытянув к огню длинные ноги. Эннеари разглядывал его наряд со все возрастающим изумлением. Одежда его не говорила о богатстве и не кричала о бедности. Люди богатые даже на охоту не наденут штанов из замши, хоть бы и из самой тонкой. А вот мягкие невысокие сапожки, простые, без тиснения... у Эннеари точно такие же. Людям из-за перевала случается покупать эльфийскую обувь, но не для себя: жители Луговины предпочитают продавать ее в тридорога где-нибудь подальше от здешних мест, и человеку не только бедному, но даже и среднего достатка подобная покупка не по карману. Разве если только у кого-нибудь из местных достало ума предпочесть удобство выгоде... и тоже – нет: местные не носят майлет. Да и майлет у этого парня, к слову сказать, очень странного вида. Нарядные майлеты шьются без рукавов, с охотничьих рукава вообще не снимаются, а у повседневных не бывает такого воротника. Впрочем, таких воротников Эннеари просто отродясь не видывал. Обычно, странствуя в горах, запасную веревку вкладывают в пояс – а у незнакомца она заложена в двойной воротник... удобно, и даже очень. Интересно, что у него в поясе запряжено? Тоже ведь наверняка полезное что-нибудь. И фляга необыкновенная: двугорлая. Для воды, соответственно, и для вина. Что понадобится, то и пей. Удачная какая задумка... непременно надо будет перенять. Да, по всему видно, человек из опытных, бывалых. Неплохо бы еще понять, какого свойства его опытность... а вот это у Эннеари как раз и не получается.

Нет, ну кто же он такой? Может, все же охотник? Интересный, однако, охотник – без лука, без силков, без рогатины... зато с перстнями. Два кольца: на правой руке небольшая квадратная печатка (значит, все же владелец ее не из бедных – нищему личная печать, да еще из лазу-

рита в золотой оправе, не по средствам, да и просто ни к чему), а на левой... на левой, притом почему-то на мизинце, красуется нечто донельзя странное. Узкое золотое кольцо без камня, больше всего напоминающее крохотный собачий ошейник. Кольца... может, просто искатель удачи, авантюрист? Опять-таки нет: авантюрист двумя простенькими перстнями нипочем бы не ограничился. Народец этого пошиба с ног до головы увешан цепочками, серьгами, перстнями, а подчас и браслетами. Эти побрякушки ставят на кон, проигравшись в дым вдруг да повернется удача лицом, вдруг да смилуется, позволив отыгаться! Эти побрякушки идут в уплату за саван и похороны, если приведет нелегкая бедолагу помереть в чужих краях. Нет, это не авантюрист и даже не наемник... ну просто наказание какое-то!

Что и говорить, необычная одежда. И подбор оттенков какой странный... для глаза приятный, кто же спорит – но Эннеари до сих пор у людей ни с чем подобным не сталкивался. Рубашка цвета топленого молока. Майлет и штаны того восхитительного, ни с чем не сравнимого оттенка, который бывает только у высохших до звона осенних листьев. Шнуровка в тон влажной после дождя сосновой коры. Дивная гармония, исполненная прозрачной печали.

Не соответствовал общей гармонии только кинжал. Он и вообще ничему не соответствовал. Натолкнувшись на него взглядом, Эннеари даже прижмурился на миг от неожиданности. В дороге с таким кинжалом делать нечего. В дорогу уместно взять с собой нож пошире и потяжелее. А эта вещица о своем владельце не то, что говорит – кричит в полный голос: «Я безобидный и безопасный – и очень, очень благовоспитанный». При таком наряде – и такая... такая зубочистка! Несусветно дорогая по человеческим меркам зубочистка. Черные ножны выложены перламутром и лунным камнем, а на навершии рукояти в обрамлении перламутровых лепестков сердцевинной цветка возлежит сапфир... не очень, правда, крупный, но такой изумительно чистой воды и такого глубокого насыщенного цвета, что лучшего и не сыщешь. И как, спрашивается, эта игрушка должна сочетаться с переливами осенних тонов остального наряда?

Или это и вовсе не его кинжал?

– У тебя кинжал неверный, – сообщил Эннеари, насозерцавшись до колотья в висках и так ничего и не поняв.

Человек удивленно моргнул и воззрился на Эннеари.

– Какой?!

– Неверный, – повторил Эннеари. – Неправильный. Не от этого платья.

– А, вот ты о чем, – усмехнулся незнакомец. – Правда твоя, не от этого. Наряд от этого кинжала у меня в сумке припрятан. Штаны черные, рубашка белоснежная, майлет тоже белый, жемчугом шитый, роскошные до невозможности... как полагаешь, подходит?

Какая-то мысль промелькнула у Эннеари в голове при этих словах незнакомца... промелькнула – и скрылась незамеченной.

– Подходит, – кивнул Эннеари. – Для дороги, конечно, не очень – а вот если важной персоне нужно значительность свою показать, в самый раз.

– А я и есть важная персона, – скривился человек. – Его высочество наследный принц Лерметт. И значительность свою мне на сей раз выпячивать нужно, покуда не лопнет. Вот как до места доберусь, так все это роскошество и напялю.

Ого! Не диво, что Эннеари не сумел ни с чем соотносить его манеру одеваться. Что рыцарей, что землепашцев в любой стране полным-полно, а вот наследник у престола может быть только один. Кому же и одеваться не единственный в своем роде, ни с чем не схожий лад, как не ему. Вот только где он значительностью своей щеголять надумал – на заваленном лавиной Хохочущем перевале?

– А куда, если не секрет, ты собрался в таком наряде? полюбопытствовал Эннеари – уж очень ему было интересно, для какого случая, по мнению людей, приличествует подобное платье.

– Да к вам за перевал и собрался, – пожал плечами Лерметт. – Дело у меня есть в ваших краях.

Час от часу все занятнее!

– В наши края так просто не попадешь, – заметил Эннеари. – Тебя еще впустить должны.

– Знаю, – вздохнул Лерметт. – На то и расчет был. Чтоб издали видно: не сражаться я приехал, не развлекаться и не навязываться от скуки, а по важному делу... будь оно неладно.

Вот как... что же за дело у наследного принца может быть за перевалом – да еще такое, что его от одного упоминания на сторону перекашивает? Странно. Может, спросить... хотя нет, не стоит. И так уже наспрашивался вдосталь. Еще, чего доброго, усмотрит принц в этих расспросах что-нибудь для себя обидное... нет, не надо ничего разузнавать. По крайней мере, сегодня.

– Одежда тебе ничем ни подсобить, ни помешать не может, – возразил Эннеари. – Впускают не так.

– А как? – напрямик спросил Лерметт. – Ты прости, может, это и секрет какой... а только времени у меня нет месяц-другой возле перевала околачиваться и ждать, покуда кто из вас надо мной смилуется и впустит. Он примолк на мгновение, явно обдумывая некую мысль. – Знаешь, я вот подумал... раз уж мы повстречались – может, ты меня и проводишь? Или тебе не с руки? Вот честное слово, нипочем бы просить не стал, да нужда заставляет.

– По правде говоря, – вздохнул Эннеари, – у меня тоже дело есть, и тоже спешное. По вашу сторону перевала. А вот кто из нас кого проводит, не от нас зависит. – Он задумчиво переплел пальцы. – Утром развиднеется, тогда и поглядим, сильно ли тропу завалило и в каких местах. Сразу ясно будет, кому из нас и дальше своей дорогой идти, а кому – назад возвращаться.

– Правда твоя, – кивнул Лерметт. – Поутру и разберемся. Слушай, а зовут-то тебя как?

– Эннеари, – охотно откликнулся тот. – А для друзей – Арьен.

Больше всего на свете Лерметт не любил навязываться. А уж как стыдно просить спасенного тобой об ответной услуге! Стараясь держать себя легко и непринужденно, Лерметт в глубине души весь заглодел до бесчувствия и, если он сейчас что и ощущал, так только дикое смущение. Он и прежде, с первой минуты разговора, чувствовал себя несколько стесненно – что поделать, с эльфами он никогда еще не сталкивался и как себя с ними вести, решительно никакого понятия не имел. Но эта неловкость ни в какое сравнение не шла с его нынешним стыдом. Да вдобавок эльф ему назвался не только полным именем, но и уменьшительным... нет уж, спасибо! С эльфами фамильярничать – себе дороже. Откуда ему знать, когда подобное обращение допустимо, а когда нет. Так что... никаких Арьенов. Лерметт и полным его именем преотлично обойдется. Вот если бы другой случай выпал... но если едешь послом, да еще по такому странному и неприятному делу, рисковать не следует. Одно неосторожное слово, единственный незначительный промах, и... нет, сейчас положительно не время для подобных выходов. Довольно уже и той глупости, что он допустил, щеголяя эльфийскими словечками. Хотя с рук ему это сошло на удивление легко. Может, оттого, что мороженный эльф еще не совсем оттаял – а будь он цел и невредим, неизвестно, как дело могло повернуться. Люди и вообще плохо говорят по-эльфийски, а Лерметт, по словам Илмеррана, вовсе не был лучшим из его учеников. Поговорил, называется. Выхвалился. Все равно как если бы калека хромым вздумал хвалиться перед канатным плясуном, что может идти и не падать. Самых простых слов не сумел вспомнить... будто при виде Эннеари, подернутого кровавым льдом, эти слова убежали из памяти со всех ног, только и успев пискнуть с перепугу. А еще посол называется! С Илмерраном по-эльфийски Лерметт мог говорить часами... отчего же с настоящим-то эльфом не получается? С одним-единственным... а ведь за перевалом ему не с одним эльфом говорить придется. Их там полным-полно. Там, кроме них, никого и нету. Оно конечно, речь свою Лерметт на всякий случай составил загодя и в силах своих был уверен. Зря, оказывается.

Вот и думай, господин посол, что делать станешь, если при виде эльфа не язык его вспоминается, а детская зубрежка за свитками пергамента? Одно только слово в памяти засело крепко: налайон. Сопляк. Именно его Лерметт слышал от Илмеррана чаще всех прочих.

Да, а в каком виде он ухитрился предстать перед первым в своей жизни эльфом! Не хотел нарядное платье истрепать? Пыли дорожной испугался? Да что ты говоришь! Вот и получай, что заслужил, за этакую-то предусмотрительность. Хороша важная персона – в рубахе небеленого полотна и выгоревшем на солнце дорожном тряпье, которое Лерметт успел за минувший год поистаскать до полного неприличия. А если учесть, что эльфы чувствуют и ценят красоту во всем, в чем бы она ни проявлялась... страшно даже себе представить, что Эннеари о нем подумал. Сам-то эльф вон какой аккуратный даже зеркало при себе имеет, чтобы сразу всякое безобразие в своем облике заметить и в порядок себя привести. А вот у Лерметта зеркал с собой нет... может, оно и к лучшему, потому что смотреть на себя Лерметту незачем. Он и так знает, на кого он похож. На чучело, вот на кого. Нет, посол, а уж тем паче посол, едущий за перевал, должен быть опрятным, величаво сдержанным и одетым с благородным изяществом – а он-то, он... срамота, да и только. Мысль о том, что эльф спервоначалу предстал перед ним в залитых кровью изодранных лохмотьях, а теперь так и вовсе красуется в запасной одежде, извлеченной из сумки Лерметта, облегчения отчего-то не приносила.

Не диво, что эльф в его сторону даже и не смотрит. Противно ему, наверное. Глянет этак искоса, украдкой, на все это непотребство, и тут же снова глаза в сторону отводит. Попросить его, что ли, чтобы он сородичам своим не рассказывал, в каком виде он посла встретил? Да, хорошо придумано, нечего сказать. Не успел знакомство свести, твое высочество, а просьбы из тебя так и сыплются. Умнее ничего в голову не пришло?

И добро бы он впервые с посольством ехал! Так ведь нет – четырежды к степнякам ездил. И всякий раз своего добивался. И выглядел, как послу и наследнику престола полагается, и мысли в голове не мешались. Постарше него люди со степняками общего языка найти не могли – а вот он, Лерметт, находил. Его ведь не только за высокородность к эльфам послом отправили, а еще и за былые успехи. За талант и за опытность. Вот-вот, за это самое. За умение сходить с людьми... так то – с людьми. С эльфами его до сих пор судьба накоротко не сводила. А теперь свела... а он ни шагу ступить, ни слова сказать не может без лихорадочного обдумывания. Отец говорил на прощание: «Человеку с эльфами трудно понимание найти. Если ты не справишься, значит, и никто другой не сумеет». Что трудно – святая правда. Впервые в жизни Лерметт чувствовал себя настолько растерянным. Скверно-то как. От подобных размышлений дурнота к горлу так и подкатывает. Хотя и не только от них.

Лерметта мутило от самого обыкновенного голода. Он ведь только утром наскоро позавтракал, а после того и крошки во рту не держал. Только вина с целебными травами выпил. На пустой желудок, между прочим. И Эннеари он из-под льда вытаскивал тоже, к слову сказать, не успев пообедать. А тяжело, однако, таскать эльфов впроголодь. Нет, вот если Лерметту впредь доведется эльфов спасать, он всенепременно сперва наестся до отвала. Только так, и никак иначе. Ишь, как живот подвело. Одно счастье, что без съестного припаса Лерметт еще никуда не выезжал.

– Эннеари, – окликнул он эльфа.

Тот обернулся и взглянул на Лерметта... да, и вправду с удивлением. Отчего бы это?

– Есть хочешь? – спросил Лерметт, настолько уверенный в ответе, что рука его уже развязывала сумку, не дожидаясь слов эльфа.

– Пожалуй, не стоит, – ответил Эннеари после недолгого раздумья.

Рука Лерметта так и замерла в воздухе.

– Ты не голоден? – не веря услышанному, переспросил он.

– Какая разница? – пожал плечами эльф. – Нам ведь неоткуда знать, надолго ли мы здесь заперты. На всякий случай еду лучше побережь. Ты не беспокойся – мы, эльфы, долго можем обходиться без еды.

– Тебе виднее, – ответил Лерметт, стараясь, чтобы голос его звучал ровно и невозмутимо.

Уж теперь-то ему бы не составило труда заговорить по-эльфийски! По части ругательств этот язык ничуть не беднее других – а Лерметт знает их столько, сколько ни одному человеку и во сне не приснится. Самая зверская ругань приходила ему на ум без малейшего напряжения памяти. А чтоб ему провалиться, эльфу клятому! Без еды он, видите ли, может обойтись! А вот Лерметт не может – как не может вытащить из сумки лепешку и сожрать ее на глазах у Эннеари в одиночку. А хочется-то как...

Лерметт засопел – сдержанно, вползвука. Потом, подумав немного, вновь подвесил над огнем котелок с остатками питья и долил вином из фляги. Вот надерусь сейчас и спать лягу, мрачно подумал Лерметт. Обязательно надерусь. Раз уж поесть не получается, так хоть напиться. Первейшее дело для голодного человека, чтобы после всю ночь лепешки не снились. Кто сказал, что послу нельзя нализаться? Вот еще. Глупости какие. Если послов голодом морить, им и не такое можно...

Эннеари не спалось. Он пребывал в растерянности. В основном потому, что никак не мог решить – то ли ему пребывать в ней и дальше, то ли просто-напросто обидеться.

Еще никто и никогда не отвергал предложенную им дружбу. Тем более никто не делал этого настолько оскорбительно. Да что этот... этот принц о себе понимает? Думает, раз у смерти из зубов вытащил кого, так теперь ему вольно спасенного оскорблять? Не у всякого ведь эльфа есть, кроме основного, еще и имя боковой ветви – имя, предназначенное только для друзей и близких. Удостоиться такого имени – редкостная честь, равно как и удостоиться права использовать его в разговоре... а отвергнуть право обращения по дружескому имени – редкостная обида. К слову сказать, Эннеари не всякому предложил бы называть себя Арье-ном... тем более – не всякому человеку. Он ведь Лерметту оказал самую большую честь, какую только мог – а тот наотмашь хлестнул его именем всеобщим... за что?

А если есть за что? Эннеари ведь не знает человеческих обычаев во всех тонкостях. Вдруг он все же ухитрился чем-то обидеть своего спасителя?

Да, но тогда вовсе не Эннеари, а Лерметт вправе чувствовать себя оскорбленным. Скверно-то как...

Принц шевельнулся во сне и тихонько чихнул. Эннеари затаил дыхание оказалось, совершенно зря: Лерметт и не думал просыпаться. Он только прошептал что-то неразборчиво и вновь успокоился.

Эннеари от злости на собственную недогадливость беззвучно хлопнул себя рукой по правой – здоровой – щеке. Дурак, вот ведь дурак какой! Ну почему он сразу не подумал? Сам-то он уже согрелся – а человек уснул прямо на камне без одеяла, без плаща... эльфу такая ночевка не слишком бы повредила, но для человека одного только майлета никак уж не достаточно. Как и все утонченные существа, люди хрупки просто невероятно. Оглянуться не успеешь, как Лерметт простудится... а то и воспаление легких подхватит.

Эннеари стянул с одеяла, в которое был укутан, покрывающий его поверху синий плащ и, не вставая, набросил его на спящего Лерметта. Тот сразу же завозился под плащом, устраиваясь поудобнее, завернулся в него как следует, сонно вздохнул и опять затих.

Вот и хорошо, с облегчением подумал Эннеари. Теперь человек до утра не замерзнет. А к утру затянется рана на лице... и ребра заживут окончательно... и вообще все будет хорошо.

Несмотря на выпитое накануне, утреннее пробуждение вовсе не оказалось тяжелым. Нет, оно было просто-напросто дурацким. На зыбкой грани сна и бодрствования Лерметту почудилось, что оно не иначе, как превратился в давешнего мерзлого эльфа. Более того – мысль о подобном превращении хотя и была идиотской свыше всякой меры, однако доводы в ее пользу

имелись. Конечно, наяву Лерметт от подобных доводов даже отмахнуться поленился бы, а вот между явью и сном они казались вполне весомыми.

Во-первых, уши у Лерметта за ночь замерзли так, словно по ним и впрямь снежная лавина проехала. Во-вторых же, тело его до самых плеч покрывал его собственный синий плащ – а ведь Лерметт отчетливо помнил, что укутывал этим плащом поверх одеяла обеспамятвшего от холода Эннеари.

Эннеари?

Лерметт приподнялся на локтях и затряс головой, прогоняя сонную муть. Из уст его вырвался еле слышный вздох облегчения. Все в порядке, никто не в кого не превратился. Вот он, Эннеари, извольте полюбоваться. Зарылся в одеяло по самый нос и сидит себе возле потухшего костра. То ли он всю ночь так и просидел, уставясь на остывший пепел, то ли эльфам и вовсе свойственно просыпаться в этакую собачью рань. Хорошо, что Лерметт все-таки не превратился в эльфа. Страшно неохота вскакивать ни свет, ни заря не потому, что так надо, а лишь оттого, что уши не в ту сторону торчат. И вообще – вот только сделаться эльфом Лерметту сейчас и не доставало для полного счастья. И не сейчас – тоже!

Нет, ну примерещится же такая ерунда!

Лерметт сердито усмехнулся, и марево сонных видений схлынуло окончательно.

– Ты не спишь? – Зеленые глазища Эннеари глядели так не по-утреннему свежо, ясно и весело, что Лерметт мгновенно ощутил себя помятым и невыспавшимся. Ему неудержимо захотелось зевнуть.

– Не сплю, – чуточку сипло отозвался он.

– Замерз ночью? – спросил эльф.

– Есть немного, – признал принц, неохотно выбираясь из-под плаща. Рукава отдай.

Эннеари устремил на него непонимающий взгляд.

– Рукава от моего майлета на тебе, – пояснил Лерметт. – Если не возражаешь, я хотел бы получить их обратно. Здесь не слишком жарко.

Эннеари скинул с себя одеяло и уставился на собственные руки.

– Вот это? – каким-то странным голосом произнес он. – Да... конечно...

Удивительные, однако, создания эти эльфы. Можно подумать, он никогда в жизни рукавов не видывал.

Лерметт спросонья едва не перепутал правый рукав с левым. Пока он разбирался да прищуровывал их обратно к майлету, Эннеари рассматривал себя, словно некую непонятную диковинку. Он то поворачивал голову, силясь заглянуть себе за плечо, то приподымал руку, то кончиками пальцев прищипывал штанину. Лерметта начало забирать за живое. Оно конечно, принц уделил эльфу из своих дорожных запасов никак уж не придворное облачение, но ведь и не обноски! И другую одежду взять все едино негде – так и незачем на нее пялиться! Что, приятель – думаешь, принцу следует устыдиться за свое тряпье? А вот и нет. Это тебе должно быть стыдно.

– Тебе что-то не нравится? – желчно осведомился Лерметт, обозленный эльфowymi выкрутасами.

– Нет, что ты! – воскликнул эльф. – Это очень красивая одежда.

У Лерметта аж дух захватило. Неужели издевается? Но нет – глаза Эннеари сияли искренним, неподдельным восторгом, да таким, что Лерметт едва не остолбенел от изумления. Не иначе, бедолага себе все мозги отморозил. Нет, ну если небеленая рубаха и потертые замшевые штаны способны заставить эльфа восхищаться так по-детски, то... то так ему и надо! В конце концов, в искренности Эннеари нет никаких сомнений... а его умственные способности пускай его самого и заботят. Потому что у Лерметта есть куда более насущный повод для заботы, а именно – как им обойтись одним плащом на двоих, да при этом не замерзнуть.

– Жаль, у меня ни плаща, ни майлета второго нет, – задумчиво промолвил он вслух, подымая сброшенный плащ.

– Не беда, – откликнулся Эннеари. – Если только тебе одеяла не жаль...

– Да сколько угодно, – пожал плечами принц. – Бери, конечно.

– Тогда одолжи мне на минутку твою зубочистку, – попросил эльф.

Драгоценную побрякушку, по недоразумению называемую кинжалом, Эннеари окрестил настолько верно, что принц ответно усмехнулся ему с такой теплотой, которая немного удивила даже его самого. Все-таки эльф, как ни крути, парень дельный – а ради этого некоторые его странности можно и извинить. Лерметт отстегнул кинжал от пояса вместе с ножнами и кинул эльфу. Тот ловко поймал кинжал за рукоять прямо на лету и стряхнул с него ножны одним слитным движением. Тут только принцу пришлось в голову задать себе естественный вопрос: а зачем, собственно эльфу кинжал?

Ответ на него Лерметт получил незамедлительно. Он и глазом не успел моргнуть – а Эннеари ухватил одеяло, проделал в нем дырку посредине, просунул в дырку голову и притопнул ногой, явно гордясь результатом.

– Тепло как! – жизнерадостно сообщил он ошарашенному Лерметту. – Лучше даже, чем плащ. Еще не сказано, которому из нас теплее будет. Не хочешь поменяться?

Лерметт помимо воли представил себе, на что будет похож посол, облаченный в одеяло с дыркой, и в ужасе затряс головой, не в силах вымолвить ни слова.

– Воля твоя, – беспечно согласился эльф. – Ладно, раз уж мы приоделись потеплей, теперь и наружу выглянуть можно.

– Сейчас, – отозвался принц, загоня кинжал обратно в ножны и пристраивая их к поясу.

Нетерпеливый эльф, не дожидаясь его, подошел к выходу из пещеры и высунулся наружу.

– Ох, какая мерзость! – вырвалось у него. – Нет, ну ты только глянь!

Лерметт, управившись с несносным кинжалом, присоединился к Эннеари и, едва завидев открывшееся его взору зрелище, зло присвистнул. Действительно, мерзость. Иначе и не скажешь. И как только Лерметту вчера в голову пришло, что все это ледяное месиво успеет растаять деньков за пять?

Повсюду, куда только дотягивался взгляд, громоздились глыбы льда, перемешанные со смерзшимся снегом – торчком, вповалку... да как угодно. Вот почему ночью в пещере было так холодно! Чудовищное месиво из снега и льда отливало в рассветных лучах смертоносным розовым золотом. Смертоносным ибо на перевале было все-таки гораздо теплее, чем на вершущках гор, и вдобавок утреннее солнце уже успело самую малость прогреть поверхность льда. Совсем немного, по совести говоря, почти и вовсе незаметно – однако вполне достаточно, чтобы лед успел слегка подтаять поверху и подернуться тоненьким слоем воды. Именно она и розовела так радостно. По обычным ледяным глыбам Лерметт пройти бы отважился – но надо быть самоубийцей, чтобы идти по ледяной испарине. Когда ледник потеет, он непроходим.

– Вот мы и выяснили, кто кого и куда провожать будет, – вздохнул Эннеари. – На совесть завалено. Причем в обе стороны.

– Интересно, а как наверху? – не столько спросил, сколько подумал вслух Лерметт.

Эннеари ухватился за каменный выступ, высунулся почти до пояса и задрал голову.

– По-моему, чисто, – заявил он после молчания, показавшегося Лерметту бесконечно долгим.

– Тогда поверху и пройдем, – решительно произнес Лерметт. – Наверху даже не одна тропа есть, а несколько. Наверяд ли их все завалило. Хоть одна свободная найдется. Тропы узкие, а над ними скала нависает вроде козырька... если только ее не снесло, пройти сумеем. Если, конечно, раньше того не сорвемся.

– Верно, есть такая скала, – подтвердил Эннеари. – Я даже не сообразил, что она почти над нами. Если немного в сторону взять... да, там должна быть хоть одна подходящая тропа. Ты что, бывал в этих местах раньше?

– Да нет, откуда? – махнул рукой принц. – Так на карте обозначено.

– А у тебя карта с собой? – обрадовался эльф.

– Ну что ты! – усмехнулся Лерметт. – Я их на память знаю. Все, сколько их в дворцовой библиотеке было.

– Шутишь! – недоверчиво воскликнул Эннеари.

– Если бы! – вздохнул принц. – Илмерран... ну, тот гном, что учил меня географии... он все, бывало, говорил, что наследник престола должен знать свои родные края, как свое родное наречие. Наизусть. Не обвиняясь тем, какое слово молвить и на какой камешек ступить. До последнего звука и до последней песчинки. А если я, налаион ленивый, буду знать хуже, то подзатыльников мне не избежать. Знаешь, какие у гномов подзатыльники увесистые?

– Представь себе, знаю. – Эльф произвольным жестом поднес руку к шее. – У меня тоже был наставник из гномов... тоже, кстати, Илмерраном звали. До чего все-таки гномы больно дерутся!

Лерметт представил себе, как гном – тот ли самый Илмерран, тезка ли сердито подпрыгивает, пытаясь залепить долговязому эльфу подзатыльник, и расхохотался. А когда он отсмеялся, мысли его приняли более практическое расположение.

– Послушай, – объявил он не терпящим возражений тоном, – раз уж мы теперь знаем, когда и куда мы выбираться будем, пошли завтракать. Я со вчерашнего утра не ел, между прочим. И лезть натошак по отвесной стене решительно не намерен.

– И правильно, – одобрил эльф. – После как-нибудь прокормимся, а сейчас можно и поесть. Давай котелок, я снега наберу, воды натопим...

– Сейчас. – Принц нырнул обратно в пещеру и снова высунулся уже с котелком в руке. – Держи... о-ох!

– В чем дело? – слегка встревоженно спросил Эннеари – но Лерметт не мог ответить. Просто-напросто не мог.

В утреннем полусумраке пещеры Лерметт к эльфу не особо и приглядывался – а после смотрел только на ледовый завал. Теперь же, протягивая котелок, он увидел Эннеари в упор. Лицо его увидел.

Давешней раны на щеке не было. Шрама – тоже.

– Да что случилось-то? – Эннеари забеспокоился уже всерьез.

Вместо ответа принц протянул руку, почти коснувшись пальцами его еще вчера израненной щеки.

– Ах, это? – с облегчением усмехнулся Эннеари. – Я же говорил, что никакого рубца не будет. Мы, эльфы, живучие – а рана, в общем-то пустяковая. Не совсем царапина, но почти.

Царапина? Лерметту представился широкий развал раны, почти распоровшей щеку надвое. Неужели ему вчера с перепугу просто показалось?

Они с большим аппетитом позавтракали круглыми лепешками, успевшими за вчерашний день слегка зачерстветь – впрочем, такие лепешки, по уверениям принца, оказались еще вкуснее свежих, чему Эннеари был вполне готов поверить. Затем настал черед воды. Сперва ее натопили, чтобы утолить жажду, затем – чтобы заполнить фляги, а под конец – чтобы умыться. Особенно долго умывался Эннеари – не только водой, но и снегом, сдирая последние остатки побуревшей запекшейся крови. Он даже голову вымыть ухитрился, старательно пропуская мимо ушей ехидные предостережения Лерметта – дескать, он таким манером отморозит себе то, что заменяет эльфам мозги, после чего наверняка помрет и будет чувствовать себя плохо. Подначки принца Эннеари проигнорировал, волосы высушил над костром и чувствовал себя

преотлично. Ведь, что ни говори, а прическа из слипшихся кровавых сосулек, намертво приклеившихся к черепу, очень и очень неудобна.

Лерметт, наконец-то насытившись, тоже пребывал в не самом дурном расположении духа. Нельзя сказать, что он разом простил весь миропорядок за все существующие в нем неустройства, но уж по крайности к спасенному эльфу не питал ни малейшего раздражения. И правильно, что не питал – повод для раздражения появился у него не во время завтрака, а гораздо позже, когда, собрав все дорожные припасы и поделив, кому что нести, оба путника вышли из пещеры на морозный воздух и кое-как продвинулись по мокрому бугристому льду на пару десятков шагов влево – туда, где над верхней тропой нависала козырьком памятная Эннеари скала.

– Мерзость какая, – с чувством произнес принц, выжимая промокшие рукава рубашки – и зачем только им понадобилось высовываться из-под майлета?

– И то, – коротко вздохнул Эннеари.

Он хмуро оглядел рассыавшееся смертоносное великолепие ледового завала и перевел взгляд на отвесную стену... да нет, в том-то и дело, что не отвесную. Лишь когда он с досадой пристукнул по стене кулаком, Лерметт сообразил: стена имела обратный уклон. Легкий, едва заметный – нужны были приметливые глаза эльфа, чтобы разглядеть его с ходу – но все-таки обратный.

– Ничего, – примолвил эльф, перехватив встревоженный взгляд принца. Заберусь как-нибудь.

– Что значит – заберусь? – прищурился Лерметт.

– То и значит, что заберусь, – ответил Эннеари. – Не ты же полезешь.

– Почему это? – возмутился принц.

– Потому что я это лучше умею, – очень доходчиво объяснил эльф.

Нет, вы видели такое? Наглость, наглость-то какова! Лерметт оскорбленно нахмурился, собираясь заявить, что вовсе даже ничего подобного, и что откуда Эннеари вообще взял, и что отец с Илмерраном тренировки ради с шести лет гоняли его по стене Старой Ратуши всего с тремя кинжалами для страховки – как раз на подобный случай... он даже было и рот открыл – но Эннеари опередил его.

– Ты ведь сам сказал, что места эти знаешь только по карте, – как ни в чем не бывало, заявил Эннеари. – Ты никогда здесь раньше не был, верно?

Лерметт насупился и кивнул.

– А мне бывать приходилось, – безжалостно подытожил эльф. – Нечасто, признаю – но все равно чаще, чем никогда. И стены здешние я знаю лучше, чем ты. Тебе здесь не подняться. Поверь мне. А я пройду.

На такой довод крыть было нечем. Но Лерметт все равно попытался потому что речь шла не о том, кто лучше знает здешние каменюки. Во всяком разе, не только об этом.

– Да знай ты себе что хочешь, – огрызнулся он, – хоть историю традиционного праздничного гномьего наряда всех восьмидесяти шести главных кланов! Как будто в этом все дело...

– А в чем? – невозмутимо поинтересовался эльф.

– Да как я тебя после вчерашнего самого лезть отпущу? – почти заорал Лерметт.

Вместо ответа Эннеари взял принца за руку и провел ею по своей щеке. По левой – той самой, на которой вчера красовалась широкая рана, не оставившая к утру по себе и следа.

– Доволен? – осведомился Эннеари.

– Ты что, мордой туда лезть собрался? – огрызнулся Лерметт. – А ребра твои?

Эннеари неторопливо скинул продырявленное одеяло, распахнул рубаху, закинул руки за голову и, с наслаждением потянувшись, сделал глубокий вдох. Лерметт отвел глаза, не собираясь верить очевидному.

– Доволен? – повторил Эннеари, вновь старательно облачаясь.

– Да, – ответил Лерметт тоном, в котором ясно слышалось «нет». Он не забыл, как вчера вот эти самые ребра перекосило от нажатия его рук. Вот ведь бред какой... ну неужто ему вчера померещилось с перепугу?

– Если ты считаешь меня калекой, – сообщил эльф, когда голова его вынырнула из прореза в одеяле, – то тебе попросту показалось. Мы, эльфы, народ живучий.

– Как лягушки, – буркнул Лерметт, вынужденный уступить.

– Лучше, – жизнерадостно заявил Эннеари. – Гораздо лучше. Премного тебе благодарен, конечно... а только ты за меня не переживай. Со мной все в порядке, и я пройду. – Он замолчал на мгновение и неожиданно прибавил. Жаль только, что вбивать по дороге нечего. Не зубочистку же твою.

Как и прежде, Лерметт от такого сходства во мнениях сразу согрелся душой, невзирая на размолвку. Согласие во взглядах на мироздание заставляет обычно пренебрегать такими пустяками, как невыносимо склочный характер – а эльф, даром что склочник и спорщик несусветный, во многом, если не во всем был с Лерметтом вполне согласен.

– Как это – нечего? – картинно изобразил обиду принц.

Довольно хмыкнув, он расстегнул широченную пряжку своего не менее широкого наборного пояса, нажал на внутреннюю ее сторону, встряхнул и извлек на свет сначала из правой, а потом из левой ее половины по пять костыльков – небольших, но на диво прочных, из лучшей гномьей стали. Все-таки занудливая предусмотрительность, которой принц обзавелся в подражание Илмеррану, оказалась очень даже к месту.

– Держи, – объявил довольный Лерметт, протягивая костыльки эльфу. Самые надежные. Куда хочешь, туда и забивай.

Но Эннеари сначала потянулся не к костылькам, а к поясу. Глаза у него так и разблестелись.

– Надо же, – выдохнул он. – У тебя не только воротник с секретом, а еще и пояс со смыслом. Надо будет и мне такой соорудить. Можно поглядеть?

– Конечно. – Лерметт снова расстегнул уже застегнутый было пояс и кинул его Эннеари. Эльф поймал пояс одной рукой, не глядя.

– А у тебя там проволоки нет? – поинтересовался он, внимательно осматривая пряжку.

– Какой еще проволоки? – не понял Лерметт.

– Обыкновенной, – рассеянно ответил эльф. – Круглой, не слишком тонкой, лучше всего стальной, только с насечкой.

– Зачем? – в первую минуту не понял Лерметт.

– Хорошая пила на крайний случай, – объяснил Эннеари. – Нету?

– Пока нет, – медленно ответил принц. – А когда будет, я ее не в поясе спрячу. Если вдруг где в плен попадешься, пояс почти наверняка отберут... а такая вот проволока очень даже может пригодиться.

Он глянул на эльфа не только с уважением, но и с приязнью. Что ему за дело, какие и нового знакомца уши – тем более, что не так и сильно они отличаются от человеческих, не зная, так и не догадаешься – куда важнее, какие у парня мозги! А мозги у него в голове есть, причем толковые.

– Может, еще что посоветуешь? – без тени иронии осведомился Лерметт. Он и в самом деле был бы не прочь получить совет от того, кому по уму его дать. Принц никогда не считал зазорным учиться, и делал это, не обвиняясь знатностью и чином наставника – был бы совет к делу, а дать его и последний нищий вправе.

Эннеари охотно повернул пряжку изнанкой кверху.

– Если вот эту сторону сделать двойной, – сказал он, проводя по ней пальцем для пущей понятности, – и на шпеньке, чтобы откидывалась... ну, как крышка у шкапулки...

– Туда гораздо больше всякого припаса влезет, – подхватил Лерметт. – А если ее, откидную, еще и заточить получше...

– Особенно если не просто откидную, а разъемную, – перебил его Эннеари, – считай, у тебя преотличное лезвие, а то и топорик прибавится. Непременно себе такую сделаю.

Теплая волна симпатии вновь накатила на Лерметта. Нет, ну до чего же ему спутник попался толковый и справный! Настоящая дорожная косточка, прирожденный бродяга. Не то, что велеречивые придворные и прочие свитские неudelки. Даже обычные рыцари, и те ему в подметки не годятся: они ведь без оруженосца в своих тяжелых доспехах шагу лишнего ступить не смогут. Одна беда – никак не поймешь, о чем и как с этим дельным парнем, кроме дела, разговаривать... да и о деле говорить приходится с оглядкой. Двумя словами перемолвиться не успели, а уже вся спина от напряжения взмокла. Эх, ну до чего же глупо вышло, что они с Илмерраном язык эльфийский изучить успели, а вот до обычаев так толком и не добрались. Лерметт ведь о них почти ничего и не знает. Право, жалость какая! Знай он побольше, не чувствовал бы себя таким олухом. А еще больше ему жаль, что Илмеррана так не ко времени понесло в Арамейль проведать свою многочисленную родню. Иначе бы Лерметт непременно упросил гнома сопровождать его... хотя зачем упрашивать – этот зануда и сам бы напросился с превеликой охотой. Вот уж кто знаток из знатоков! Неужели он бы оставил Лерметта на произвол его невежества? Да никогда в жизни!

Призадумавшись, Лерметт не сразу и заметил, что вытворяет толковый и дельный эльф – а когда заметил, у него глаза на лоб полезли. Толковый и дельный эльф, положив костыльки и пояс Лерметта рядом с собой на лед, сноровисто разувался.

– Ты рехнулся! – возопил Лерметт, подхватив свое добро со льда и мгновенно опоясываясь.

– Нет, – отрезал эльф. – Сам видишь, какая тут стена неудобная. Костыльки там или не костыльки, а в сапогах я не долезу. Сорвусь.

– Поморозишься, ненормальный! – взвыл Лерметт.

– Ни-ни, – хладнокровно возразил Эннеари, ступая босыми ногами на лед. – Я же все-таки эльф.

– Тогда полезай скорее, если эльф! – не выдержал Лерметт. – Чего ждешь – пока ноги отвалятся?

Эннеари усмехнулся.

– Веревку давай, – распорядился он.

Лерметт, злясь на себя нещадно, так рванул смотанную веревку из воротника, что едва не оторвал его напрочь.

– Спасибо, – преспокойно заявил Эннеари, забрал веревку у него из рук, подхватил со льда костыльки и полез на стену.

Долго, нескончаемо долго – целую вечность, а если разобраться, то и две – Лерметт стоял, задрал голову, и наблюдал, как несносный эльф босиком лезет по стене, цепляясь за почти невидимые снизу трещинки и время от времени забивая в них костыльки невесть где и когда подобранным камнем. Наконец после мучительно бесконечного ожидания эльф перевалил через гребень стены и исчез из виду. Мгновением спустя его шалая голова свесилась над обрывом.

– Здесь чисто, – сообщила голова. – Сейчас я веревку закреплю получше, и можешь подниматься. Только сапоги мои захватить не забудь.

Прорычав нечто, совершенно неуместное в непринужденной светской беседе, Лерметт подхватил сапоги эльфа и прицепил их к своей скатке.

– Можно! – окликнула его голова сверху. – Давай!

Подъем по веревке оказался не таким уж и сложным. Главное было при всей спешке не забыть собрать костыльки. Лерметт не забыл – возможно, еще и потому, что выдергивая

очередной костыль, он всякий раз представлял себе, как замечательно было бы согреть этим костылем эльфа по его дурной башке.

Наконец подъем, как и все на этом свете, будь то хорошее или дурное, завершился, и донельзя обозленный Лерметт ступил на тропу. Здесь и в самом деле не было ни кусочка льда. Эльф сидел посреди тропы и растирал ноги белые, как свежееотбеленный пергамент.

– Ты придурок! – с чувством заявил Лерметт, швырнув оземь многострадальные сапоги.

Эльф поднял кверху замечательно нахальную физиономию.

– А разве это кому-нибудь мешает? – осведомился он.

Тропа оказалась довольно широкой и даже удобной, но идти по ней довелось недолго – ее пересекала невесть откуда взявшаяся широченная трещина. Лерметт готов был поклясться, что на карте ничего подобного не значилось, но в горах подобные перемены – дело обычное. Вчера еще ничего такого не было – а сегодня и камни громоздятся, и тропа разъехалась трещинами – откуда только взялись! Перескочить через расщелину не представлялось никакой возможности, и за недавним подъемом последовал еще один – и опять самонадеянный эльф поднимался первым. Лерметту ничего не оставалось, как следовать за ним – вначале вверх по отвесной стене, потом по узкой тропе, почти след в след.

Эннеари шел впереди, и выражения его лица Лерметт не мог видеть, но плечи и спина эльфа особой бодростью не отличались. Лерметт стал было придумывать повод окликнуть Эннеари, чтобы совсем уж увериться, однако это не понадобилось. Эльф перескочил через небольшую трещину, обернулся и махнул рукой – дескать, прыгай сюда; лицо у него при этом было такое хмурое и нерадостное, что все подозрения Лерметта мигом ожили вновь: наверняка дурной эльф едва жив – а сам невесть зачем хорохорится, лишь бы вид оказать. И чего ради храбрится? Куда спешит? Допрыгается, что ступить не сможет.

Эннеари, не дожидаясь, пока Лерметт за ним последует, перемахнул через изрядный валун.

– Да что ты вытворяешь? – не выдержал Лерметт. – Сердце кровью подплывает на тебя глядеть.

– Что так? – поинтересовался эльф, глядя на принца замечательно невинными глазами.

– Шею ты себе свернешь, вот что! – разозлился Лерметт.

– Как же, – хмыкнул Эннеари, – жди, пока грибы зацветут!

От неожиданности Лерметт расхохотался, да так заразительно, что и эльф сперва улыбнулся небывало солнечной улыбкой, а потом тоже засмеялся. Недавней мрачности на его лице не осталось и следа.

– Послушай, – спросил Лерметт, отдышавшись, – мне вот спросить охота... не в обиду, конечно...

– Спрашивай, – пожал плечами Эннеари.

– Это ты один такой уродился, или эльфы все вроде тебя?

– В чем именно? – прищурился Эннеари.

– В переменчивости настроения, – пояснил Лерметт. – Оно у тебя быстрее меняется, чем белка с ветки на ветку скачет.

– У тебя оно тоже не сиднем сидит, – обронил Эннеари, – а ты вроде ведь не эльф.

– Ничуть даже не эльф, – охотно согласился Лерметт, – зато я посол, а по мне, так одно другого стоит. К тому же тревожусь я.

– О чем? – поинтересовался Эннеари.

«Да о тебе, дураке!» – хотелось закричать Лерметту, однако сказал он иное. По крайности, то, что он произнес вслух, ложью не было – эти мысли тоже вызывали у него тревогу.

– О посольстве своем, – помедлив, ответил он, чуть отворотясь. – Мне ведь даже и с тобой говорить неуютно: все время боюсь что-нибудь этакое сморозить. А что я делать стану, когда

мне перед твоими соплеменниками говорить придется? Того и гляди, сам не желая, что-нибудь обидное ляпну. Я ведь язык худо-бедно выучить успел, а до обычаев так и не добрался. Эх, вот же ведь не ко времени Илмеррана в Арамейль унесло! Уж не знаю, тот ли это Илмерран, что и тебя обучал, или другой какой, но по части эльфийского обихода он знаток. Он и вообще по любой части знаток.

– Гномы, они такие, – рассудительно заметил эльф, отхлебнув из своей фляги глоток-другой воды.

– Вот-вот, – вздохнул Лерметт, незамедлительно последовав его примеру. – Как же мне спокойнее было бы, возьми я его с собой. – Он помолчал и добавил. – По правде говоря, мне еще спокойнее было бы, останься он дома. Гномы, они ведь и в самом деле такие. Илмерран за чем угодно приглядеть способен. Вот и приглядел бы. Илмеррану что угодно доверить можно, он не подведет. В первый раз уезжаю, когда его дома нет. Вот не поверишь – три уже дня, как я из Найлисса выехал, четвертый... а так на душе нехорошо, словно свечу зажженную на столе без присмотра оставил.

– Четвертый? – удивился Эннеари. – Ты что же, три дня через перевал ехал?

– Почему это? – в свою очередь удивился принц.

– Ты же сам сказал – «три дня, как из Найлисса уехал». Королевство ваше зовется Найлисс... или я что-то путаю?

– Ах, вот ты о чем, – усмехнулся Лерметт. – Ничего ты не путаешь. Но так не только само королевство, а и столица называется.

– Странное обыкновение – называть столицу по королевству, – заметил эльф.

– Но не беспричинное, – ответил Лерметт. – Была причина – и еще какая веская.

– Расскажи, – так и загорелся Эннеари.

– Тогда нам здесь заночевать придется, – возразил Лерметт. – Долгая это история.

– А ты на ходу Расскажи, – не уступал Эннеари. – Веселей шагать будет.

Он вновь отхлебнул воды, закупорил флягу и поднялся – гибко, пружинисто, легко... а ведь только что еле плелся. Что они, двужилые, эти эльфы?

– На ходу, говоришь, – задумчиво произнес Лерметт. – Что ж, не стану спорить. Будь по-твоему.

Он осторожно обогнул ненадежный с виду угловатый камень.

– Прежней столицей королевства была Риادا, – начал принц. – Тоже, кстати, красивый город.

– Что значит – «тоже»? – полюбопытствовал эльф.

– Что Найлисс красивее, – убежденно ответил Лерметт.

– Тебе не кажется, что ты пристрастен? – усмехнулся Эннеари.

– Не кажется, – отрезал Лерметт. – Найлисс в Восьми Королевствах слышал, как называют? Сухопутной жемчужиной, вот как. Уж не знаю, какие у вас города и возводят ли эльфы города вообще, а среди человеческих городов прекраснее Найлисса нет. Да что там говорить! О таком не Расскажешь. Сам погостить приедешь, тогда и увидишь, что это за красота. Одна только Рассветная Башня чего стоит!

– Надеюсь, – сухо ответил Эннеари после недолгого молчания. – Надеюсь, что увижу. Но ты мне все-таки Расскажи, откуда он взялся. Из какой раковины твоя жемчужина выкатилась.

– Так я и рассказываю, – миролюбиво ответил Лерметт, решив не обращать внимания на выходки склочного эльфа: мало ли каким тоном с устатку можно заговорить – так ведь не обижаться же всякий раз. – Риادا тоже город красивый и не из бедных. Одним словом, хорошая добыча... если ты, конечно, понимаешь, о чем я.

– Вполне, – отозвался Эннеари. – Нищий городишко с полуразваленной стеной захватить легче, да кому он нужен? А вот ради богатого города стоит и повозиться.

– Верно, – кивнул Лерметт, забыв, что идущий впереди эльф не увидит его движения. – А тогдашний король Найлисса, не к ночи будь помянут... ему бы не на троне, а на скамье подсудимых сидеть, да и то много чести.

– Ого! – хмыкнул Эннеари с сомнением.

– И вовсе даже не ого. Кровавый палач, трус и вдобавок дурак. Не знаю, чем бы кончилось его царствование, когда бы не война. Либо Найлисс обезлюдел бы вовсе, а на развалинах городов одни бы крысы пищали, либо свернули его с трона и корону в глотку запихнули.

– Любишь ты своего предка, однако, – заметил Эннеари.

– А он вовсе не мой предок, – жестко возразил Лерметт вслух, а про себя добавил: «Во всяком случае, не прямой».

– И что же такого натворил не твой предок? – поинтересовался Эннеари, перескакивая через узкую трещину. Лерметт закусил губу и аккуратно перешагнул ее – из чистого упрямства.

– Едва не погубил королевство, – ответил он. – Это шестьсот лет тому назад было. Единственный случай, когда степняки едва не взяли верх. Нахлынуло их тогда столько, что теперь с трудом и верится. Но ведь не одним только числом воюют.

– Конечно, – уверенным тоном знатока заявил Эннеари, не выдавший на своем веку ни одной войны, ни даже сражения. – Если найти слабое место...

– Именно, – подхватил Лерметт, знающий, что такое война, отнюдь не понаслышке. – Было слабое место. Ты угадал. Вот только из палачей те еще вояки, сам понимаешь.

Лерметт примолк на мгновение. Сухой воздух царапал горло – не горный воздух, степной, пахнувший пылью, пылью и лошадиным потом. Степь Лерметт знал. Знал он и расположение войск во время той, давней, шесть веков тому назад состоявшейся битвы. Он словно бы воочию видел выгоревшие на солнце стяги, усталое колыхание копий и горестное недоумение на лицах ветеранов, услышавших совсем не тот приказ, которого они ждали.

– Этот трус... – хрипло выдохнул Лерметт воздух минувшего, – этот мерзавец... он отдал приказ к отступлению. Он перепугался почти до обморока, понимаешь? Завизжал: «Назад!» – уже и знаменщики едва не повернули... его ведь боялись едва ли не больше, чем врагов, а головы никому лишиться неохота. Попробуй, послушайся приказа – сабля, может, тебя и минует, а топор палача мимо шеи не упадет. В общем, войско вот-вот сомнут... – Он снова примолк.

– А дальше? – жадно потребовал Эннеари.

– А дальше, – отрывисто произнес Лерметт, – командир сотни лучников натянул свой лук, пристрелил Его поганое Величество на месте, знамя королевское сорвал, древко изломал – все так и замерли, что свои, что враги. Сам подумай – это сколько же ярости надо, чтобы такую дубину голыми руками в оцепье разломать!

Эннеари только головой покачал, силясь представить себе эту невероятную картину.

– А потом, – продолжил Лерметт, – копьё подхватил, лук свой на него воздел – вместо знамени, значит – и заорал: «В атаку!» С тех пор, между прочим, на военном знамени Найлисса так и изображать повелось – лук поверх копья.

– А атака? – выдохнул Эннеари.

– А как по-твоему? – осведомился Лерметт. – Сумасшедшая атака, которую возглавляет настоящий сумасшедший – особенно если он еще и полностью вменяем – обычно имеет успех. Такого разгрома степь не ожидала.

Эннеари азартно стукнул себя кулаком правой руки по ладони левой.

– Так ему и надо, твоему не предку, – заявил он.

Лерметт грустно улыбнулся исподтишка. У этой героической истории был на самом деле исключительно горький привкус. Лучник Илент, застреливший короля-палача, короля-предателя, приходился ему сыном. Побочным. Законными сыновьями этот кровавый мерзавец обзавестись не успел – к чему жениться, если любая запуганная до икоты красавица, будь то дво-

рянка или служанка, просто не посмеет королю отказать! Да и вдобавок, если подумать здраво кто из венценосцев Восьми Королевств отдаст за такую мразь не то, что дочь, а хоть бы и последнюю побродяжку из своего королевства, невзирая даже на территориальные уступки? Дипломатия и выгода тоже ведь имеют свои пределы.

– А этот лучник... он ведь потом и стал королем, да? – с надеждой спросил Эннеари.

– Верно, – негромко подтвердил Лерметт. – Лучник Илент стал следующим королем. Ты и тут угадал.

– Тогда все правильно, – заявил успокоенный Эннеари. – Он ведь всех спас, все королевство...

Лерметт кивнул, опять позабыв, что Эннеари идет впереди.

– А при чем здесь Найлисс... в смысле город? – поинтересовался эльф, так и не дождавшись ответа.

– А при том, что Илент не захотел править в Риаве, как и его... предшественник, – вовремя спохватился Лерметт.

– Его можно понять, – согласился Эннеари.

Еще бы не можно! Как тут не понять? Легко ли сесть на запятнанный кровью невинных трон? Приятно ли править в городе, где лица жителей все еще искривлены ужасом, угнездившимся при предыдущем царствовании? Возможно ли надеть корону отца, убитого твоей рукой?

В последнем, впрочем, как раз никто в Риаве не сомневался – возможно! Илента на руках носили – и потому, что его безумный порыв действительно спас всех, и, как ни странно, потому, что он был сыном своего отца пренебрегаемым и чудом выжившим. Тираны не желают иметь ни наследников, ни соперников – а кем еще мог считать Илента его кровопийца-отец? К тому же, а кто вправе унаследовать престол, если не сын короля? От него даже не потребовали пройти через очищение... но Илент решил иначе.

Лерметт вдохнул сквозь стиснутые зубы. Не стоит рассказывать Эннеари об очищении. Не поймет. Сочтет этот обычай варварским. Так оно и есть – но только не все можно понять со стороны. Древний обычай Найлисса гласил: при пресечении династии претендент должен быть подвергнут испытанию чистоты своих намерений – или, проще говоря, пытке. Чудовищное обыкновение – однако оно надежно хранило Найлисс от всякого рода узурпаторов и заговорщиков. Есть вещи, против которых бессильно любое честолюбие и любая жажда власти. Слишком уж дорого за нее платить приходится. За все время существования королевства Найлисс прибегнуть к очищению пришлось лишь дважды – и лучник Илент был вторым. Риаве дивилась его упрямству – зачем сыну короля проходить очищение? Но Илент объявил прежнюю династию пресеченной. Палача пришлось выписать со стороны и имя жертвы утаить. Легенда гласит, что бедолага-палач так и не успел получить обещанное золото. Стойкость жертвы так потрясла его, что он просто-напросто помер на месте. Жители Риавы сочли смерть палача знаком свыше – чем-то вроде божьего суда, надо полагать – а о чем думал Илент, когда его короновали под радостные крики, не знал никто.

С тех самых пор судебная пытка в Найлиссе не практикуется.

Нельзя рассказывать об этом Эннеари. Он никогда не был человеком. Он никогда не жил в Найлиссе. Он никогда не трепетал в ужасе перед коронованным безумцем. Он не стрелял на поле боя в своего отца и своего короля. Он не поймет.

Есть вещи, которые нельзя понять, не пережив. Лерметт и сам не до конца понимает.

Нельзя об этом рассказывать.

– Значит, тогда Илент и построил новую столицу? – спросил эльф. Если он и удивился внезапному молчанию своего собеседника, то, по крайности, не сказал об этом ни слова.

– Да, – тихо ответил Лерметт. – Именно тогда. Он даже не думал, как назовет ее, пока строил – но люди, шедшие за ним в бой, сразу назвали ее «сердцем Найлисса»... а потом и просто Найлиссом. Когда город был построен, называть его как-либо иначе было уже поздно.

– Сердце Найлисса, – задумчиво повторил Эннеари вслед за Лерметтом медленно, словно пробуя эти слова на вкус. – Долго же его, наверное, возводили...

– Что ты! – хмыкнул Лерметт. – И совсем даже нет. Во-первых, не время по два года нос через губу нести – война все-таки. Пришлось поторапливаться. И потом, гномы хоть и зануды, а тоже не от рассвета до заката один камень в стенку кладут. Они-то как раз быстро управляют. Долго гномы только думают и говорят.

– А при чем тут гномы? – удивился Эннеари.

– При Найлиссе, – отвечив Лерметт, с трудом подавив искушение посоветовать дурному эльфу не перескакивать через этот камень, а... ф-фу-ух, обошлось! – Конечно, не стану врать, что его одни гномы и строили – людей там хватало. Уж если город заново возводится, нельзя жить в доме, в котором ты ни стены не выкладывал. Все будущие жители Найлисса, как один, на стройке старались. Но и гномов там было немеряно. Этак, пожалуй, один гном на двоих человек и никак не меньше.

– Тогда я, пожалуй, лучше поверю в эту сказочную красоту, – заявил ошарашенный эльф. – Тогда мне, скорей уж, в другое поверить трудно...

– Во что? – поинтересовался Лерметт.

– В то, что у короля вашего... ну, Илента... что у него денег достало расплатиться со всей этой оравой гномов честь по чести. Да еще во время войны.

– Ну, это ты зря, – с укоризной оттолкнул Лерметт. – Это ты на гномов совсем напрасное говоришь. Как раз если честь по чести – и денег бы достало. Тем более во время войны. Гномы ведь полишку не запрашивают. Сам знаешь, почему – или нет?

– Знаю, – ответил Эннеари. – Мне Илмерран о «неких гномах» и Четвертой Стене рассказывал.

– Вот-вот, – подхватил Лерметт. – Именно о «неких». Об этих поганцах даже прозваний в истории не осталось, ни в нашей, ни в гномьей – а уж на что народ дотошный. «Некие гномы», и все тут. Ни один гном за свою работу сверх ряда не запросит.

– Так ведь ряд каков должен быть – за целый город! – возразил эльф. Это же домов-то сколько!

– Домов? – усмехнулся Лерметт. – И только-то? А то, что под землей, а колодцы, а акведуки? А сам план города, если уж на то пошло?

– Тогда я и вовсе не понимаю, – ошеломленно признался Эннеари.

– А тут и понимать нечего, – сообщил Лерметт. – Во-первых, запрос был меньше, чем ты думаешь. Как раз потому, что во время войны. Нехорошо на чужой беде покорыстоваться. Такая прибыль со временем своим горем отзовется. Ты себе, как я понимаю, цену уже в уме сосчитал? Да? Вот и сбрось с нее треть.

– Сбросил, – покладисто отозвался Эннеари. – Все равно несусветно выходит.

– Так ведь и это еще не все, – продолжил Лерметт. – Тут одна подковырка хитрая есть... прямо и не знаю, как бы объяснить, чтобы понятно получилось. Ну... вы, эльфы, хоть и розно с людьми живете, а торговля между нами есть, верно? Да вот мои сапоги хотя бы...

– Есть, – подтвердил Эннеари.

– А раз торговля есть, – подхватил Лерметт, – значит, есть чем торговать. Значит, у вас не принято сложа руки сидеть, а принято этими руками что-то уметь.

– Верно, – согласился Эннеари; судя по голосу, рассуждение Лерметта изрядно его позабавило, хотя и непонятно, чем.

– А вот ты своими руками что умеешь? – настаивал Лерметт.

– Лютни делать, – мечтательно отозвался эльф.

Вот это да! Лерметт видел однажды эльфийскую лютню и слышал, как она звучит. Это... нет, ну вот это да!

– Куда уж лучше, – вздохнул Лерметт, не без труда отрясая с себя подобное сну воспоминание о прелести навек полюбившегося ему напева. Тогда тебе понять будет легче кого другого. Вот представь: пришел к тебе эдакий полудурок – из тех, у кого глаз на лице больше, чем мыслей в голове, дубина полнейшая, зато весь в золоте. И говорит: «А сделай ты мне лютню, золотом изукрашенную, жемчугом утыканную – чтоб на стенке висела на почетном месте и все соседи на нее обзавидовались до полусмерти».

Эльф брезгливо передернул плечами.

– Да, – весело продолжил Лерметт, – а потом приходит к тебе музыкант и говорит: «Беда у меня случилась – совсем, считай, от лютни одни щепки остались». Даже если отсчитать цену золота и прочих камней – за сам-то инструмент ты с которого меньше запросишь?

– С музыканта, конечно, – уверенно ответил Эннеари. – Ему не для зависти, а для дела, и уж он хоть в лютнях точно смыслит. А для того, в ком понятия нет, и делать тяжело.

– Вот тебе и ответ, – заключил Лерметт. – И запросишь меньше, и постарайся лучше, верно? Да ведь в этих делах любой искусник так решит... а гномы еще какие искусники, и тебя никак уж не глупей – вот потому-то с той цены, что тебе в голову пришла, еще треть сними.

– Это уже себе вообразить можно, – нерешительно произнес Эннеари, произведя мысленно упомянутый подсчет. – Но все равно много.

– А третий ответ в том, – попытался Лерметт, – что заплатили гномам не деньгами.

– А чем же тогда? – удивился Эннеари.

– А вот этого, – заявил Лерметт, – даже и рассказать нельзя. Это просто видеть надо. Вот приедешь в Найлисс, я тебя в Старую Ратушу отведу там в Зале Гильдий картина есть, очевидцем рисованная. Как раз момент уплаты на ней и изображен. По одну сторону люди, стоят, по другую гномы, и лица что у тех, что у других, довольные-предовольные. И есть чем. Увидишь, сам поймешь.

– Может, мне и впрямь наведаться в Найлисс? – негромко произнес эльф почти что себе под нос.

– Обязательно, – горячо заверил его принц. – Хоть вы и дольше нашего живете, а ты такой красоты во всю свою жизнь не видал.

– Как же ваша бывшая столица от такой красоты завистью не изошла? раздумчиво протянул Эннеари.

– Могла, – честно признал Лерметт. – И не только из-за красоты. С бывшими столицами это часто случается. Почти всегда. Но у Риады с Найлиссом иначе сложилось. Риада просто не успела начать завидовать.

– Что значит – не успела? – насторожился Эннеари. – Разгромили ее, что ли?

Лерметт втихомолку улыбнулся: судя по голосу, Эннеари не желал Риаде столь страшной и скорой гибели... да и нескорой тоже. Вообще никакой.

– Наоборот, спасли, – ответил принц. – Война ведь еще шла. Когда на Риаду напали, ополчение из Найлисса живо по реке спустилось. Сперва отрезали находников от подкреплений из степи, а потом и вовсе в пух разнесли. А когда жители Риады благодарить стали за помощь, Илент возьми и скажи: «Сын не может оставить мать в беде – иначе он и не сын вовсе». Риада почти не пострадала, а степняки усвоили – не разгромив Найлисс, Риады не взять. Им бы тихо сидеть... но слишком уж велико искушение оказалось. Решили, будто Найлисс им по зубам. Зря решили. А про то, что между Риадой и Найлиссом уже проложена дорога, и вовсе не прознали. Одним словом, недолго Найлиссу пришлось в одиночку отбиваться – Риада вся как есть пришла, разве что городские стены с собой не прихватила. А после победы тот Риадский кузнец, что ополчение возглавил, гордо объявил: «Ни одна мать сына в беде не бросит».

Эннеари расхохотался.

– Умен же был этот ваш король Илент, – уважительно заметил он. Кузнец, кстати, тоже не глупее.

– Понял? – ухмыльнулся Лерметт. – Так с тех пор и повелось. Риادا уже не столица – зато она на веки вечные мать новой столицы. Тоже ведь неплохо, верно?

– Ну еще бы, – согласился Эннеари. – Гордая мать и восхитительный сын.

– Правильно, – подхватил Лерметт. – Сыну завидовать невозможно. Им можно только гордиться. Ты бы только знал, как Риادا гордится Найлиссом это просто в уме не помещается.

Эннеари явно хотел было обернуться и сказать что-то веселое, но взамен резко остановился, словно на стену налетев, и зло присвистнул.

– В чем дело? – окликнул его Лерметт.

– Похоже, мы пришли, – сообщил эльф. – Во всяком случае, по этой тропе нам дальше ходу нет. Да ты сам погляди.

Он прижался к скале, чтобы Лерметт мог рассмотреть дорогу впереди. Лерметт глянул и зло дернул плечом. На расстоянии самое большее сотни шагов от них тянулся длинный завал. Который камень лежит надежно, а который может и неосторожным порывом ветра шелохнуть, и необразишь, не ступив – а тогда уже всяко будет поздно. И, будто одного только завала было недостаточно, чтобы сделать тропу непроходимой, позади него маячил огромный валун. Судя по виду, его принесло недавним сходом, однако расположился он посреди тропы так основательно, с такой солидной добропорядочностью, словно бы тут и родился – родился, вырос, возмужал и состарился, покрывшись сединой наледи. Сам по себе завал, может, и стоил риска преодолеть его, равно как и валун – однако сразу две преграды не стоили ни затраченных на них усилий, ни риска.

– Заслушался я, – вздохнул эльф. – Раньше надо было заметить... хотя какая, в сущности, разница, сейчас или раньше? Все едино нам здесь не пройти. День потратим. Не меньше – а кто сказал, что дальше тропа проходима?

– Пожалуй, что никто, – согласился Лерметт, озирая равнодушные к их затруднениям небесные облака.

– Опять лезть придется, – без особой радости заметил Эннеари. – Это если мы не решим вернуться назад.

– Лучше не надо, – живо возразил Лерметт. – Опять по той же самой тропе – и ведь на ней тоже лазить придется, не забывай. Мы сюда не по ровной дороге добрались.

– Значит, лезем, – пожал плечами эльф. – Вниз или вверх?

Лерметт примкнул веки и сосредоточился, вспоминая карту. Потом открыл глаза, оглядел тянущийся вверх склон и заглянул с обрыва вниз.

– Только вниз, – уверенно сказал он. – Там тропа чистая, отсюда видно. А сверху неизвестно какая. Да и склон здесь не так чтобы слишком надежный. К тому же, – добавил он ехидно, – мне, знаешь ли, надоело за тобой сапоги таскать. А вниз можно слезть и обутым.

– Не скажи, – возразил Эннеари.

– Ты что, по веревке только босиком съехать можешь? – удивился Лерметт.

– Нет, конечно, – ответил Эннеари, едва ли не уязвленный подобным предположением. – Просто веревку оставлять жалко.

Лерметт ничего не сказал ему в ответ, ухмыльнулся только. Ухмылка получилась лукавой и торжествующей, словно во времена раннего детства, такого давнего, словно бы его не было и вовсе – но оно было, и напомнило о себя этой ухмылкой так явственно, что Лерметт поспешно прикусил губу, чтоб над самим собой не рассмеяться. Вот так же точно он ухмылялся в детстве мальчишескому своему торжеству: конечно, меч или щит ему пока в слабых ручонках не удержат, не говоря уже о копье – зато плюнуть он наверняка сумеет дальше, чем любой рыцарь. И по заборам он тоже лазит лучше. Припомнив свое превосходство в лазании по заборам и плевании, Лерметт едва сумел подавить смех. И ведь не то забавно, что он совершенно всерьез

гордился этими достижениями, а то, что при виде эльфа безумное детское желание плюнуть дальше становилось до ужаса живым и почти непреодолимым. По счастью, ему предоставилась такая возможность.

– А зачем оставлять? – произнес он медленно, заранее наслаждаясь своим торжеством. – Было бы куда ее привязать, а оставлять не придется.

– Привязать-то есть куда, – пожал плечами Эннеари. – Вот тут выступ очень даже подходящий... а только как ты ее отсюда потом сдернешь?

– Очень даже просто, – заверил его Лерметт. – Сам сейчас увидишь.

Он извлек веревку, взял ее за оба конца и вывязал вокруг выступа нечто весьма сложное и запутанное. Эннеари взирал на его действия с плохо скрытым недоумением.

– А теперь спускайся, – заявил Лерметт, вручая ему веревку. – Полежай спокойно, я за тобой спущусь. И учти: не вздумай держать веревку только за одну половину, если не хочешь грохнуться. Сразу за обе держи. Понял?

– Дело нехитрое, – сдержанно ответил эльф, взялся за веревку и через мгновение исчез внизу. Спустя самое недолгое время его оклик возвестил о благополучном завершении спуска.

Лерметт последовал его примеру. Веревки, даже и сложенной вдвое, хватило с избытком, спуск был нетруден, и принц не заставил себя ждать.

– А теперь что? – поинтересовался Эннеари, когда Лерметт присоединился к нему на нижней тропе.

Вместо ответа Лерметт протянул руку к веревке, ухватил ее и дернул посильнее. Веревка покорно упала на тропу.

– Вот так, – заявил Лерметт ошарашенному Эннеари и плутовски подмигнул. – Сейчас заново смотаю ее, и пойдем.

– Мотай-мотай, – рассеянно согласился Эннеари и внезапным плавным движением не выдернул даже – вынул из-за спины лук, быстро и ловко, как фокусник извлекает платочек из воздуха на глазах изумленных зрителей.

Зритель у Эннеари был один-единственный, зато изумленный донельзя. И ведь было чему изумляться. Лерметт никогда не видел такой слитной, такой согласованной и плавной быстроты движений. Эльф заново подтянул ослабленную тетиву, выхватил стрелу из колчана, наложил на тетиву, натянул и тут же отпустил ее, не целясь – все словно бы одновременно. Лерметт и понять не успел, когда и как совершился выстрел – а ветерок уже ерошил оперение стрелы, по середину древка вонзившейся в тело молоденькой горной куропатки. Эннеари подошел к убитой птице и поднял ее. Куропатка оказалась небольшой, но с виду вполне упитанной.

– Вот и ужин к нам прилетел, – довольным тоном заявил Эннеари и улыбнулся. Улыбка эльфа была столь неотразимо лукавой, столь победительно мальчишеской, словно у подростка, ухитрившегося вопреки собственным чаяниям плюнуть дальше извечного своего соперника. На долю мгновения Лерметту показалось, что он заглянул в зеркало.

Постоянные спуски и подъемы измотали путников гораздо раньше, чем ступились сумерки, да и карабкаться по узким горным тропам – совсем не то же самое, что шествовать по торной дороге. К исходу дня Лерметт так устал, что едва мог утерпеть, до того ему хотелось объявить привал. Даже эльф, казалось, несколько поутратил прежнюю бодрость. Едва только им удалось найти сколько-нибудь ровное место, где можно и хворосту на костер наломать, и сам костер разжечь, и расположиться возле огня, не рискуя при первом же неосторожном движении свалиться вниз, как принц и эльф остановились, не сговариваясь – настолько оба они нуждались в отдыхе. Однако долгожданный привал оказался едва ли не утомительнее всего предшествующего дня. Вечер определенно не задался. Вот ведь и костер вспыхнул сразу же, и горная куропатка, которую Эннеари взял на стрелу, почти и не целясь, явила собой в жаренном виде сытный и горячий ужин – для путников в горах дело ох не последнее! – зато разговор все не ладился и не ладился. Эннеари сидел, погружившись в какие-то загадочные,

но несомненно, тоскливые мысли и молчал, как пень, несмотря на все попытки Лерметта разговаривать его. А Лерметт старался, что было сил, выпрашивая Эннеари об эльфийских обычаях в надежде, что уж на эту тему его дорожный спутник поговорить не откажется. Ничуть не бывало. Эннеари отмалчивался, а если и отвечал, то односложно и неохотно, уходя в себя едва ли не после каждой фразы. Лерметт, тем не менее, попыток не оставлял – по трем причинам. Во-первых, ему и в самом деле было страшно как интересно. Во-вторых, послу неплохо бы знать побольше об обычаях тех, к кому он направляется – хотя бы уж затем, чтобы не оскорбить ненароком. А в-третьих, эльф, терзаемый неведомой тоской, представляет собой такое тяжкое зрелище, что на него глядя, завить впору. Выть Лерметт не собирался: в конце концов, и сам он не собака, и эльф не луна.

– Послушай, Эннеари, – предпринял он новую попытку.

Эльф поднял на него тяжелый до укоризны взгляд.

– Я давно тебя спросить хотел, – не отступался Лерметт.

– Спрашивай, – без всякого выражения произнес Эннеари и зябко повел плечами.

– Если только это не секрет, конечно, – на всякий случай оговорил Лерметт, – что это за штукавина такая? – И рука его взметнулась, указав на ожерелье, свисающее с шеи эльфа.

– Ах, это... – равнодушно протянул Эннеари. – Не секрет, конечно. Это ларе-и-т» аэ.

– «Найди-меня»? – удивленно перевел Лерметт.

– «Найди-себя», – поправил Эннеари. – Это... как бы тебе объяснить... рано или поздно на грани отрочества нас охватывает странное томление... почти зов. Как будто ты потерял часть себя и ее нужно найти. Вот и начинаешь ходить, искать, до всего руками дотрагиваться. Который предмет вернет тебе цельность, тот и есть искомый. Берешь его и носишь при себе неотлучно. У меня вот оказалась эта горсть камней.

– Интересно, что делать тем, кому цельность возвращает не горсть камней, а целая гора или, скажем, лес? – отважился пошутить Лерметт. – Гору с собой унести трудновато. А постоянно при себе таскать, пожалуй, и того трудней.

– Гору нельзя уносить, – не принял шутки Эннеари. – Гора принадлежит всем. Те, кому так не посчастливилось, обычно там и остаются.

Он замолчал и снова уставился на пламя. Ну что ты будешь делать! Ни спросом, и насмешкой его не проймешь.

Лерметт устало взглянул на Эннеари. Просторный лоб эльфа был мрачен, хотя ни одна хмурая морщина и не пересекала его. Выражение зеленых глаз, полуприкрытых утомленными веками, пониманию не поддавалось и вовсе. Общее впечатление складывалось крайне тягостное.

– О чем тоскуешь? – напрямик, без обиняков поинтересовался Лерметт очень уж ему надоели экивоки и недомолвки. А мрачный эльф ему надоел и пуще того.

Эннеари снова поднял веки – медленно, почти против воли.

– О том, что я у тебя в долгу, – ровным голосом произнес он.

– В каком долгу? – не понял Лерметт.

– Ты ведь спас мне жизнь, – терпеливо пояснил Эннеари.

– Ну да, – Лерметт по-прежнему как есть ничего не понимал. – Так и что тебя гнетет?

– А то, – отозвался Эннеари, – что в долгу я у тебя. И долг это неоплатный. И пока я тоже не спасу тебе жизнь, не будет мне покоя.

Трудно винить Лерметта в том, что он и теперь понял не сразу. Зато когда понял, едва не поперхнулся. Интересно, как это Эннеари себе представляет? Чтобы спасти своему спасителю жизнь, надо ведь еще и момент такой улучшить, когда этой самой жизни будет грозить опасность. А опасность тем и страшна, что о приходе своем заранее не предупреждает. Значит, желающему расплатиться с подобным долгом предстоит следовать за своим спасителем, как тень, высматривая подходящий момент... и еще не сказано, долго ли предстоит должнику

за спасителем этак шляться – может, и всю жизнь. Беда, она ведь на обязана случиться как можно скорее, лишь бы спасенному было удобнее. Всю жизнь... это ж надо же. Нет, пустое это дело эльфов спасать. Спасешь, а потом приходится обзаводиться вечной тенью, неотлучным спутником – одним словом, собственным эльфом. Может, кому и покажется сдуру, что иметь собственного эльфа приятно – а вот Лерметт при одной только мысли об этом преисполнялся содроганием. Еще и потому, что иметь в собственности кого-то, безраздельно кем-то владеть не вправе даже король. Да, Лерметту предстоит сделаться королем и повелевать – именно поэтому он знает о таких делах получше прочих. Да, король вправе повелевать людьми – но владеть человеком никто не вправе. Да, король может требовать верной службы – но присвоить себе чужую жизнь не смеет ни один властитель мироздания.

– Ну уж нет, – усмехнулся Лерметт, – это не тебе, а мне покоя не будет.

Эльф безмолвствовал.

– Что тебе за ерунда в голову пришла? – возмутился Лерметт. – Совсем из ума вон. Забудь.

Ответный взгляд Эннеари выражал одно лишь неколебимое упорство.

– Я у тебя в долгу, – гнул свое эльф.

– Что ты мне тут посольский узел вяжешь? – окончательно вспылил Лерметт.

– Какой-какой узел? – переспросил Эннеари.

Лерметт под его удивленным взглядом приметно покраснел.

– Ну... история такая, – нехотя ответил он. – Неужели не слыхал?

– Представь себе, нет, – сообщил эльф. – О послах я только то и знаю, что они неприкосновенны. Никогда не слыхал, чтобы посла узлом завязывали.

Принц невольно фыркнул.

– Скажешь тоже, – буркнул он. – Просто я думал, что ты про этот случай тоже наслышан.

Очень старая байка. Ее все знают.

– Среди людей – может быть, – заявил Эннеари. – А я так впервые слышу. Ты уж сделай милость, расскажи.

– Попробую, – принужденно усмехнулся Лерметт. – Даже и не знаю, с чего начать. Очень трудно рассказывать то, что все знают. Одним словом, жил да был доблестный рыцарь Эйнелл.

Вымолвив эту фразу, принц сообразил, что взял невесть почему такую манеру, словно собрался сказку несмышленишу рассказывать. Он сбился и замолк. Эннеари выжидательно молчал.

– Послы и гонцы и в самом деле неприкосновенны, – собравшись с духом, продолжал Лерметт. – Не то, по моему разумению, немного бы охотников нашлось заниматься таким рискованным ремеслом.

Эннеари кивнул.

– В жизни оно, конечно, бывает по-всякому, – вздохнул принц. Случается, что послов убивают намеренно... чтобы сделать войну неизбежной. Или оплошность какая приключится. Но с доблестным рыцарем Эйнеллом все было совсем по-другому. Он с самого начала знал, что едет послом к дураку.

– То есть он подозревал, что его могут убить? – уточнил Эннеари.

– Еще как подозревал, – подхватил Лерметт. – И решил на всякий случай о себе позаботиться. Чтобы не остаться без оружия в решительный момент.

– Постой-погоди, – перебил его эльф. – Как это – не остаться без оружия? Насколько я помню, послам полагается меч свой к ножнам привязывать накрепко. Особым таким ремешком... а потом его концы еще и заливают оловом, а поверх металла печать оттискивают... или я что-то перепутал?

– Да нет, – махнул рукой Лерметт. – Все ты помнишь правильно. И заливают, и оттискивают. А вот завязывает ремешок сам посол. Собственноручно. Вот он и завязал.

– И что? – недоуменно спросил Эннеари.

– А ты сам подумай, – невинно предложил Лерметт. – Ты этот узел сегодня сам видел в действии. Вот и попробуй догадаться.

– Не пойму, о чем ты, – нахмурился эльф.

– Да вот об этом. – Принц вытянул из воротника веревку. – Забыл уже? Узел, которым я веревку затянул, чтобы потом снять – это посольский и есть. – Его пальцы привычным быстрым движением уверенно вывязали сложный узел. – Вот – видишь?

– А кстати, – оживился Эннеари, – я ведь у тебя попросить хотел показать мне, как его вяжут.

Он потянул за короткий конец веревки. Узел распустился, словно его и не было.

– Ловко! – восхитился Эннеари. – Дай-ка и мне попробовать.

Он сосредоточенно сжал губы, припоминая последовательность переплетений. Потом медленно, то и дело останавливаясь, вывязал узел.

– Так? – с сомнением спросил он.

– А ты потяни, – посоветовал Лерметт, не глядя.

Эннеари потянул. Узел вместо того, чтобы разойтись, захлестнулся намертво.

– Сам ведь видишь, что не так. – Лерметт отобрал у эльфа веревку, не без труда ослабил узел и развязал последний захлест. – Вот здесь пропустить надо не поверху, а понизу, а сначала обвести. Повтори.

– Вот так? – Лерметт в ответ промолчал, и Эннеари решил проверить себя прежним способом – потянуть за веревку. На сей раз узел покорно исчез.

– Надо будет еще поупражняться, – удовлетворенно заметил Эннеари. Полезная штука это узел. Много для чего пригодиться может. Насколько я понимаю, рыцарю твоему... как там его – Эйнееллу? Одним словом, как бы там его ни звали, а узел ему пригодился.

– Ну... да, – подтвердил Лерметт, чуть заметно отводя глаза в сторону. По правде говоря, он уже сожалел о своей вспыльчивости и понадеялся было, что Эннеари, увлекшись вывязыванием хитрого узла, позабудет, с чего начался разговор, как позабыл несусветную глупость о том, что за спасение жизни чем-то ему обязан.

Зря понадеялся.

– Ты не молчи, ты рассказывай, – заявил Эннеари. Руки его безостановочно вязали и распускали все новые и новые узлы... вязали и распускали.

– Рыцарь Эйнеелл ремешок завязал этим самым узлом, – помолчав, продолжил Лерметт. – А когда его и в самом деле убивать стали... сам понимаешь, такой узел довольно дернуть, он и развяжется. Хоть запечатаны концы ремешка, хоть не запечатаны... разницы никакой.

– Я так понимаю, меч этот рыцарь выхватить успел, – одобрительно предположил эльф.

– Не только, – усмехнулся Лерметт, мимовольно увлекаясь историей походов хитроумного посла. – Меч он правой рукой выхватил – а в левой у него ремешок оставался, не забывай. Так он тем ремешком успел еще и одного из убийц удавить. Тех это так напугало, что они замешкались, и Эйнееллу удалось прорваться и вернуться домой живым.

– Значит, с тех пор этот узел и называется посольским, – подытожил Эннеари.

– С тех самых, – подтвердил Лерметт.

– Все равно не понимаю, – заявил эльф, откладывая веревку в сторону. Легенда, конечно, занятная – но какое она имеет отношение к моим словам?

Принц снова отвел взгляд.

– Понимаешь, – едва ли не запинаясь, выговорил он, – посольский узел это... ну, как бы символ... хитрости, что ли... всяких умствований...

– От которых мозги узлом завязываются, – прищурился эльф. – Ты хотел сказать, что я тебе голову морочу?!

– Не мне. – Лерметт снова покраснел. – Себе.

Эннеари презрительно фыркнул, но и только. Лерметт украдкой перевел дыхание. Кажется, обошлось. Нет, ну кто его за язык тянул, спрашивается? И ведь не посольским узлом язык завязан, а стоило дернуть, он и разошелся. А если учесть, что Лерметт, между прочим, и сам посол... нет, доблестный и хитромудрый рыцарь Эйнелл его бы определенно не одобрил. И что это на него нашло? Ведь это посольство у Лерметта не первое на счету, никак уж не первое. И норов свой держать в узде он давным-давно научился. Пожалуй, даже раньше, чем из лука стрелять. Королям никак нельзя дурному нраву потворствовать, не то и до беды недолго. Лерметт уже и не упомнит, когда он в последний раз позволил себе вспылить. А этот невыносимый эльф ухитряется вывести его из себя с такой легкостью, будто это проще, чем травинку сорвать. Надо же было такое ляпнуть! Прах его побери совсем, это посольство! Нет, надо взять себя в руки, и притом немедленно. Если Лерметт и с одним-то эльфом удержаться от глупейшей запальчивости не может, что он станет делать, когда вокруг него окажутся одни сплошные эльфы? Хватит! Да, вот именно – хватит. Пора дать себе зарок быть впредь сдержаннее. И думать, прежде чем говорить.

Кажется, он уже размышлял об этом... и зарок давал. Или нет?

Лерметт искоса взглянул на Эннеари. Да, на сей раз все действительно обошлось. Потому что эльф не знает, что посольский узел – символ не только хитрости. Потому что Лерметт не рассказал ему всего. На самом деле посольский узел воплощает в себе не только хитрость Эйнелла, но и постыдное предательство владыки, посмевшегося замыслить убийство посланника. Могущество хитроумия – и мерзость предательства. Все поговорки о посольском узле имеют не один смысл, а два – как завязанный поверх рукояти меча ремешок имеет два хвоста. А потому пускать в ход эти поговорки следует с осторожностью сугубой – как и сам узел. Ведь если собеседник потянет твое неосторожное высказывание не за тот хвост...

Лерметт обязательно расскажет Эннеари про этот, второй смысл. Иначе как бы эльф, решив щегольнуть настоящей человеческой поговоркой в обществе людей, не совершил поистине роковой ошибки. Да, непременно надо будет рассказать.

Непременно.

Но не сейчас.

Эннеари тоже молчал. Ему тоже было о чем призадуматься. Вот и опять человек отказался от предложенной им дружбы – да еще как резко, прямо-таки наотмашь! Как и прежде, Лерметт не зовет его Арьеном, а честит Эннеари – а уж о долге благодарности так и вовсе ничего слышать не хочет. Конечно, люди – создания возвышенные, и эльфы им никак уж не чета... но не слишком ли много этот человеческий принц о себе понимает, отказываясь даже от благодарности?

Разум Эннеари зацепился именно за это, последнее слово благодарность. Он обдумывал его и так и этак – и внезапно эльфа будто жаркой волной обдало. Прав Лерметт, тысячу раз прав! И как же он сам не подумал прежде, чем ляпнуть такое? Ведь для того, чтобы кому-то спасти жизнь, этой жизни должно что-то угрожать. Какая-то опасность. Это что же получается – он, Эннеари, желает своему спасителю попасть в беду? И все для того, чтобы расплатиться и больше не чувствовать себя ничем ему обязанным? Хороша благодарность, нечего сказать! Ведь именно против благодарности Эннеари и погрешил, высказав подобное хотение. Именно от нее он и возжелал себя избавить, пусть ему даже спервоначалу так и не показалось. Спасти своего спасителя – и не чувствовать больше того, что сердце велит. Мерзость какая, Эннеари – да тебе ли это в голову пришло? А ведь пришло же. Так вот почему подобный долг именуется неоплатным! Если в тебе есть хоть искра благодарности, подобные долги оплачивать попросту нельзя. И если тебе и впрямь придется избавить своего избавителя от беды, это может быть только сердечным порывом – но ни в коем случае не долгом. Только не долгом.

А еще он погрешил против права каждого разумного существа на собственную жизнь. Неужели благородство должно вознаграждаться настырным неотвязным приставучим спутни-

ком, от которого, хоть тресни, а никуда не денешься? Кто его знает, как там оно у людей принято, а у эльфов навязчивость никогда не была в чести – однако именно этого он и пожелал, вознамерившись сделаться вечным стражем Лерметта. Какая там дружба, какая благодарность, если он вздумал надеть на своего спасителя хомут из собственной персоны!

– Лерметт, – тихонько окликнул принца Эннеари.

Принц повернул к нему усталое сердитое лицо.

– Прости, – смущенно выговорил Эннеари, – я ведь и в самом деле глупость сказал... и вдобавок гадкую.

Лицо Лерметта мгновенно прояснилось.

– Забудь, – коротко посоветовал он, примирительно улыбнулся и подбросил в костер новую порцию хвороста.

Потом, после этой дурацкой беседы, они какое-то время просидели молча, уплетая жареную куропатку, а затем снова мало-помалу разговорились. Этот, второй разговор оказался вполне мирным и даже веселым – но осадок от первого все же остался. Нет, что ни говори, а вечер определенно не задался. И откуда только у эльфов в голове такая дурь заводится? Или она заводится не у всех эльфов, а только у Эннеари? Надо же было до такого додуматься! Давно уже прогорел костер, давно сон сморил Эннеари, и луна успела забраться высоко на небосклон – а Лерметт все еще сердито ворочался с боку на бок, не в силах уснуть. Зыбкая дремота то и дело прикасалась к нему осторожными лапками – и вновь пугливо отпрядывала. Уснул Лерметт почти с рассветом.

Проснулся он, само собой, довольно поздно. Костер весело потрескивал, разбрызгивая легкие искры. Надо понимать, эльф проснулся первым. Он и вообще вскакивает ни свет ни заря. И как только можно тратить на сон сущую малость и оставаться бодрым и свежим? Или эльфам и вообще не нужно спать? Интересная мысль. А зачем они тогда и вообще спят – чтобы на сны полюбоваться? Что ж... на то похоже.

Одним словом, если вечер не задался, то утро начиналось и вовсе неприятно.

Эннеари успел не только разжечь костер. Он уже натопил снега и наполнил водой обе фляги – и свою, и Лерметта. Дело, конечно, нужное, кто же спорит, да и время терять жалко – и все же Лерметта слегка покорибило. Не привык он, чтобы с его вещами вот так вот бесцеремонно хозяйничали, даже не спросясь.

– Ты всегда берешь, что плохо лежит, без спроса? – осведомился Лерметт, приподымаясь на локте. Уверенные ухватки эльфа так поразили его, что сказать «доброе утро» он просто позабыл – да и потом не вспомнил. Его в эту минуту заботило лишь одно: высказать свой упрек как можно более шутливо – чтобы он не походил на упрек. А ведь шутить спросонок – дело нелегкое. Особенно если не выспался по вине своего собеседника, и раздражение нет-нет, а дает себя знать.

– Конечно, – удивленно ответил Эннеари. – Это плохо, когда вещь лежит плохо. Она должна не плохо лежать, а хорошо работать.

Весь его тон, да и не только тон – даже поворот плеч, даже посадка головы – отчетливо и явственно выражали собой вопрос: «А разве может быть иначе?»

– Ты бы мог меня спросить, – заметил Лерметт.

– Ты ведь спал, – пожал плечами эльф. – Зачем тебя будить ради такой ерунды?

– Ну, так дождался бы, пока я проснусь, – зевнул принц.

– А зачем? – совсем уже изумленно промолвил Эннеари.

Лерметт прикусил губу. Нет, утро определенно не складывалось.

– Так... – задумчиво произнес он, выбираясь из-под плаща, которым укрывался от ночной прохлады. – Похоже, я опять ляпнул что-то не то.

Собственная ошибка бесила его – в немалой степени еще и оттого, что оставалась покуда непонятной.

– Наверное, – ответил Эннеари, устремив на него серьезный взгляд своих невероятно зеленых глаз. – Только я не знаю, что именно.

– Разберемся, – пообещал Лерметт, аккуратно сворачивая плащ. Обязательно. Это так глупо, что разобраться просто необходимо. Чует мое сердце, что нельзя не выяснить.

Выяснение, жаркое и сбивчивое, продолжалось не менее получаса. А могло затянуться и дольше – так всегда бывает, когда внезапное несходство обычаев... и тоже нет – не обычаев, а чего-то более изначального, определяющего... да ну их совсем, эти обычаи! Всякому ведь известно, что руками работают, а ногами ходят. Сызмала известно, с детства. Раньше еще, чем начинаешь говорить, начинаешь пользоваться руками и ногами именно так, а не иначе. И ведь это только естественно – предположить, что любой первый встречный пользуется своими руками и ногами именно так. А потом накапливается невысказанная странность... еще бы ей не накопиться! Никто ведь не обсуждает такие привычные, само собой разумеющиеся детали быта. И ты молчаливо исходишь из того, что для тебя привычно, как дыхание – а потом вдруг оказывается, что новый твой знакомец пользуется ногами не для ходьбы, а для чего-то совсем иного – например, для ведения деловой переписки...

К исходу этого получаса на душе у Лерметта сделалось окончательно скверно. Нет, ну кто его за язык потянул! Хотя если вдуматься, дело могло обернуться куда хуже. Он ведь мог сморозить такую глупость не здесь, не сейчас, не наедине с Эннеари, а в Долине Эльфов... но как он мог знать? Илмерран не успел рассказать ему об эльфийских обычнованиях почти ничего. Их Лерметту еще только предстояло изучить. Ничего он об эльфах не знал толком, кроме их языка... да, но язык он худо-бедно, а выучил! А ведь чужое наречие может ох как много подсказать о тех, для кого оно родное! Одна уже только грамматика чего стоит, не говоря даже о словоупотреблении – а ведь есть еще и пословицы! И Лерметт сам переводил их с эльфийского. Сам, своими руками записывал неуклюжую рифму: «Чем без толку лежать, лучше за делом бежать». Илмерран от его перевода, помнится, скривился, но смолчал. А теперь выясняется, что пословица как раз и толкуется в том самом смысле, который Лерметту – человеку, а не эльфу – нипочем не пришел бы в голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.